

Марианна Красовская
Нани Кроноцкая

Тени Лены

Книга 3

Марианна Красовская
Нани Кроноцкая
Тени Льена. Книга третья
Серия «Туманная Галлия», книга 3

<https://litres.ru/74420433>

SelfPub; 2026

Аннотация

Итак, осень! Дожди и туманы сгустились над замком Нефф. Ледяной ветер треплет дирижабль. Древнее зло лютует на старом кладбище рода Ди Моро. Максимилиан Оберлинг в тюрьме. А воровка Оливия прячется от своих внезапных чувств к обычному городскому лекарю.

Содержание

Глава 1. Такая жестокая любовь	4
Глава 2. О ритуалах и не только	15
Глава 3. Искушение	27
Глава 4. Кладбище	40
Глава 5. Дышит. Жив	50
Глава 6. Тяжёлая ночь	64
Глава 7. Узники замка Нефф	73
Глава 8. Призраки прошлого	81
Глава 9. Тревожность	90
Глава 10. Прекрасное хмурое утро	97
Глава 11. Круг замкнулся	108
Глава 12. Передышка	120
Глава 13. Фиаско	132
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Марианна Красовская, Нани Кроноцкая Тени Льена. Книга третья

Глава 1. Такая жестокая любовь

На черных шелковых подушках медные кудри смотрелись особенно ярко. Словно искусный художник нанес на черный холст искристо-оранжевые мазки. Сливочная кожа отливала перламутром в слабом свете ночника, подчеркивая изгибы небольшой, но изящно очерченной груди. Тонкие щиколотки, выглядывавшие из-под смятого покрывала, казались хрупкими, как у птицы. Нежный румянец, разлитый по щекам, выдавал следы недавней страсти, но в глазах уже таилась вполне очевидная тень усталости — или скуки?

Заниматься любовью с Юлианной было приятно не только физически. В этом была какая-то особая, порочная гармония, радовавшая взгляд и будоражившая кровь.

А еще она не притворялась. В отличие от многих женщин, побывавших в этой королевской постели. Она выгибалась, стонала, металась в пылу страсти, царапала спину острыми ногтями, порой даже кусала до боли. Отказаться? Невозможно. Даже зная, что эта женщина не принадлежит ему одному

и не хранит ему верность. Он и не пытался. Зачем? Жизнь коротка, молодость и даже зрелость — мимолетный мираж. Скоро и эти доступные королю удовольствия останутся лишь в воспоминаниях, как запах высушенного между страницами книги цветка.

Алистер провел ладонью по ее горячей коже, ощущая пальцами мелкую дрожь — отзвук недавней бури или предчувствие новой? Его голос прозвучал хрипло, неожиданно даже для него самого:

— Признайся, ты спишь и с моим братом тоже?

Юлианна медленно повернула голову на подушке, медные пряди волос мягко скользнули по шелку. Медовые глаза широко распахнулись, и в них мелькнул острый испуг, тут же прикрытый выражением привычной игривости. Рот приоткрылся в немом удивлении, обнажив ровный ряд белых зубов.

— Можешь молчать, — Алистер перебил возможное возражение, его пальцы сжали тонкое запястье чуть сильнее, чем нужно. — Я знаю. И не сержусь. Мне просто любопытно... — Он наклонился ближе, чувствуя, как возбуждение снова накатывает волной, странно смешиваясь с горечью. — Кто тебе больше по нраву? Он? Или я?

Подобных разговоров в постели мужчина не заводил никогда. Да и мысль делить женщину с кем-то, тем более с братом, раньше показалась бы дикой, оскорбительной. Но теперь эта грязная тайна лишь подстегивала его страсть, делала

ее острее, опаснее. Хотя... куда уж острее? Он и так сходил с ума по этой женщине! Каждый ее пылкий вздох, каждый изгиб гибкого тела сводил короля с ума.

Юлианна задержала взгляд на его лице, будто оценивая искренность. Потом медленно, словно пробуя на вкус, прикусила пухлую нижнюю губу. И хихикнула.

— Твой брат более изобретателен... — она томно потянулась, как кошка, выгибая спину, демонстрируя изящную линию бедра, и нанесла сокрушительный удар: — И совершенно неумолим.

— Звучит... обидно, — его не так-то просто смутить. Алистер фыркнул, стараясь сохранить маску легкомыслия, хотя внутри что-то болезненно сжалось. Он отпустил ее запястье, провел холодными пальцами по нежной, как персик, щеке. — Мы всегда с ним соревновались. Во всем. И я терпеть не могу ему в чем-то уступать. Особенно в этом. — Взгляд короля стал тяжелым. — Придется мне постараться, верно?

Женщина томно улыбнулась и прикрыла ресницы. Повернулась спиной к королю, недвусмысленным жестом предлагая притронуться к гладкой теплой коже плеч. И не только. Ее немой вызов был понят и принят как надо.

Ночь, такая короткая в королевских покоях, только началась. Или продолжалась?

Солнечный луч, пробившийся сквозь решетку и складку

тяжелой портьеры, поймал пылинки, танцующие в воздухе камеры. Король сидел за массивным столом, подперев щеку кулаком, и смотрел на Максимилиана, который стоял у окна, спиной к свету. Тень падала на лицо Оберлинга, делая черты резче, а взгляд — темнее. В голосе Макса, когда он заговорил, слышалось не столько почтение, сколько усталое раздражение и привычная для обоих щепотка язвительности:

— Итак, мы выяснили происхождение вашей... фаворитки. Окончательно и бесповоротно. — Он сделал паузу, будто собираясь с духом. — Должен признать, ловчая служба в этом случае знатно...

— Обделалась? — с самым невинным видом закончил фразу чрезвычайно довольный своей проницательностью король, лениво откинувшись в кресле. На его пухлых губах играла довольная ухмылка.

— Я собирался сказать «опростоволосилась», но ваш термин, Ваше Величество, куда выразительнее и... точнее, — Макс покорно склонил голову, но уголок его рта дернулся. — Вы были правы. Она — из Браенгов. Самых что ни на есть... — Он махнул рукой, отсекая невысказанное.

— Как это могло случиться? — вопрос короля прозвучал не с упреком, а с неподдельным, почти детским любопытством. Он подался вперед, уперся локтями в стол. — Чья-то внебрачная дочь? Не Кирьяна, я надеюсь? Впрочем, нет. У него не было иных женщин, кроме Бригитты. Он мне много раз об этом говорил. И полагаю, не лгал — к чему?

— Нет, Юлианна — законная дочь своих родителей. Все банально и... по-своему трагично. — Макс прошелся по кабинету, его шаги были нервными, быстрыми. — Старшая сестра Кирьяна когда-то вышла замуж за обычного торговца. Это были темные времена для Браенгов¹, — нищета, забвение, изгнание из приличного общества. Брак был, мягко говоря, мезальянсом. Отчаянная попытка выжить. Юлианна — внучка этого самого торговца. По материнской линии — чистая кровь Браенгов.

— У Кирьяна была сестра? — Алистер оторвал лоб от кулака, растерянно моргая. — А я и не знал.

— У него еще и мать была, — Макс трагическим жестом развел руками. — И тетка. Которую тоже звали Юлианной, кстати. Между прочим — невеста Оберлинга... — Голос его стал жестче. — Представляете, ее когда-то украли прямо из-под венца и увезли в Слaviю. А за нарушение договора расплачиваться пришлось... моей матери. — Он резко отвернулся к окну, его плечи напряглись.

Максимилиан не слишком любил историю. Он предпочитал жить настоящим. Но настоящее упорно тащило за собой хвосты прошлого. Оно казалось ему зыбким болотом, где таились лишь ужасы. Чем глубже он погружался в трясину ушедших лет, тем отчетливее понимал весь масштаб титанического труда, проделанного королем Эстебаном и его верным канцлером. Шерсть на загривке вставала дыбом от этого осознания. К тому же мать никогда не рассказывала,

как она выходила замуж*. Единственное, что он знал твердо: времена были смутные.

— А проклятье? — Алистер спросил тоном человека, ожидающего плохих новостей. Он качнулся на легком кресле назад, так что передние ножки оторвались от пола. — Выяснил что-то новое?

— К сожалению, да, — Макс повернулся, лицо его было мрачным. — Но это про вашего отца. И мою старшую сестру.

— У них был роман? — Алистер с грохотом опустил кресло на все четыре ножки и подался всем телом вперед. Глаза короля разгорелись жадным любопытством. Вот это поворот! Отец и сестра Оберлинга?

— Нет, — ответил Макс резко, почти отрезал. — Его Величество Король Эстебан не позволил себе подобной слабости.

В его голосе прозвучала не только уверенность, но и какая-то странная горечь.

Алистер обиженно надул губы и откинулся на спинку кресла. Вот так всегда. Даже в этом отец его переиграл. Не всем дано устоять перед зовом крови. Впрочем, Алистер и не пытался. Его нынешнее положение дел — Юлианна здесь, брат там, а он посередине, наслаждаясь — его более чем устраивало.

Ну подумаешь, Юлианна спит еще и с его братом! Не чужие же люди... К тому же можно не опасаться подхватить дурную болезнь. Лекари в королевской семье бдительны. Как

ни странно, ревности не было и в помине. Даже свою нелюбимую супругу Алистер ревновал бы сильнее. Впрочем, она никогда не давала повода. Хоть что-то в его полной тревог жизни было стабильно и предсказуемо.

— Так что же там за история была? — Алистер вернулся к интересующей его теме, вертя в пальцах кофейную ложку. — Между Браенгами и Оберлингами? Любопытно же.

— Некрасивая история, — поморщился Макс, будто чувствуя дурной запах. — Грязная. И началась она задолго до рождения моего отца. Во времена Иеронимуса Оберлинга, если быть точным.

— Младший сын? Пытался узурпировать власть? — Алистер тут же сообразил, оживляясь. Историю королевских родов он знал прилично. — И Себастьян Браенг был на его стороне. Потом его казнили... а их замок Нефф отошел к Оберлингам.

— Именно так, Ваше Величество, — Макс кивнул, снова приблизившись к окну. — Потом Браенги и Оберлинги заключили брачный договор. Юлианна Браенг должна была выйти замуж за Аристарха Оберлинга. Но не вышла. Потому что стала наложницей славского государя. А договор... договор остался. И Оберлинги потребовали с Браенгов обещанные шахты — и огромную компенсацию за сорванную свадьбу и урон репутации. — Он горько усмехнулся. — Денег у Браенгов, разумеется, не было. Шахты отдавать они тоже не желали. Да и невесты, как назло, закончились.

— А потом твоему отцу отдали леди Милославу, — Алистер вздохнул, представляя эту сделку. — И все это — из-за той давней истории с замком Нефф и сорванной свадьбой. Круг замкнулся.

— Мои родители любили друг друга, — твердо произнес Макс, не желая даже помыслить иного. — Все закончилось... хорошо. Браенги возвысились, Оберлинги разбогатели, королевство обрело мир.

Он замолчал, глядя куда-то за толстые прутья решетки.

— А Юлианна оказалась в моей постели, — Алистер подвел черту, энергично поднимаясь из кресла. Его лицо неожиданно стало серьезным. — Вопрос лишь в одном, дорогой Макс: по своей ли воле? Или она — лишь послушная марионетка в чьих-то умелых руках? Кто дергает за ее ниточки? — Он подошел к Оберлингу вплотную. — Выясни это. Мне нужно знать.

— Как?! — взвыл Макс, отпрыгнув назад, как ошпаренный, и ударившись бедром о выступ под окном. Его сдержанность испарилась. — Я ведь в темнице! И Тьен далеко. Как я могу это сделать? Сидя за решеткой?!

— Не мои проблемы, — Алистер пожал плечами с преувеличенным безразличием, поворачиваясь к двери. — Ты всегда славился изворотливостью. Придумай что-нибудь. Шпионы, письма, подкуп слуг... Это твое ремесло, Макс.

Он вышел, не оглядываясь, оставив Оберлинга одного посреди тесной камеры.

Максимилиан замер, потом сдавленно выругался, сжав кулаки. Медленно подошел к столу, схватил хрустальный графин с отвратительно теплой водой, налил стакан, выпил залпом. Гнев. Беспомощность. Все, как обычно. Какая же все-таки гнусная штука – любовь. Или то, что за нее принимают. Галлинги вечно путаются с Браенгами и наоборот. Оберлинги влюбляются в Браенгов и... степняков. Мужчины теряют голову из-за женщин. Женщины... женщины чаще любят власть и блеск, которые дают деньги или положение. Разве не так?

Король увлечен Юлианной Браенг. Его брат, судя по всему, тоже. А кого любит сама Юлианна? Себя? Власть? Или того, кто дергает за ее ниточки?

А он, Максимилиан Оберлинг? Он любит свою жену. И сейчас, в этой тишине кабинета-темницы, он осознал это с мучительной остротой. Он отчаянно скучает по Мелиссе. Гораздо больше, чем мог предположить. Он-то думал, что страсть давно выдохлась, чувства остыли, превратились в привычку. Да, Мелисса – красавица. Но ее характер! Скрытная, ревнивая до безумия, капризная, избалованная, гордая до глупости – истинная дочь Стерлингов. Макс не раз ловил себя на мысли, что завидует Тьену. Жена брата совсем другая. Добрая, щедрая душой... и так откровенно, беззаветно любит этого невыносимого!

А когда он в последний раз слышал от Мелиссы простое доброе слово? Не упрек, не колкость, не требование? Их по-

следняя встреча перед его «заточением» закончилась привычным оглушительным скандалом. И ребенок... Ребенка он, если честно, совершенно не хотел. Но Мел поставила его перед фактом, как всегда.

И все же... он скучал. Сейчас, в тишине, всплывали другие картины: как он, молодой и дерзкий, лез к ней в окно спальни, рискуя свернуть себе шею; как дрался за нее с Тьеном, с самими Стерлингами, со всем светом; как отчаянно добивался ее руки, вопреки всем договорам и расчетам. И добился! Забрал! И после рождения сына... да, тогда еще было хорошо. Тепло. Покой. Общие надежды.

Куда все это делось? Где та страсть, что сжигала дотла? Где та любовь, ради которой он готов был мир перевернуть? Почему же они стали ночевать в разных спальнях? Кто виноват? Время? Их собственные колючие характеры? Или просто они забыли, как быть просто мужчиной и женщиной, зарывшись в рутину обязанностей и взаимных претензий?

Вопросы, вопросы...

Он с силой поставил пустой стакан на стол. Звон хрусталя прозвучал громче выстрела в тишине. Вопросов было больше, чем ответов. А задача, поставленная королем, висела тяжелым камнем на шее. Любовь... Проклятая, сложная, опасная любовь.

¹ **Браенги**— один из знатных родов в королевстве, переживший периоды нищеты и изгнания из высшего общества.

*Примечание авторов: оно и к лучшему. Незачем детям было знать, что кнесса Милослава была тайно влюблена в степного хана, а ее оборотня-жениха увела младшая сестра. А то, что брак с Оберлингом и вовсе был вынужденным, уже давно не имело значения.

© Нани Кроноцкая & Марианна Красовская 2025-2026
специально для litres.ru

Глава 2. О ритуалах и не только

Библиотека Чёрного замка была не хранилищем знаний, а склепом для них. Да, именно так. Высокие дубовые стеллажи, почерневшие от времени, доходили до самого закопченного потолка. Безмолвные стражи — или тюремщики? Воздух, пропитанный запахом старого пергамента, сухой плесени и чего-то еще — сладковатого, тленного, — висел тяжело и незыблемо.

Пыль, густая, как пепел, лежала на всём, чего не касались ежедневно, мертвым саваном покрывая массивные столы из черного дерева и кресла с высокими спинками, обтянутые потертым бархатом цвета запекшейся крови. Тусклый свет едва пробивался сквозь узкие стрельчатые окна, забранные решетками с причудливыми, похожими на сплетенных змей узорами, и отбрасывал на полосатую каменную кладку пола длинные искаженные тени. Мне бы в голову не пришло уединиться тут с книгой — плавучая тюрьма Льена и то выглядела более жизнерадостно. Здесь не читают — здесь отбывают срок. Или хоронят ужасные тайны.

И вот в этой гробнице я — о чудо! — была едва ли не впервые в жизни абсолютно, непререкаемо счастлива. Словно толстые каменные стены отгородили меня от всех проблем. Восставшие кладбища? Ну и бес с ними, как-нибудь управимся. Лич, бродящий по замку? Как любопытно! Он

же вполне безобиден, раз до сих пор никого не сожрал? Заговоры, интриги, воздушные бури, грозившие разорвать дирижабль в клочья? Пфф! Мы выйдем из всех этих передраг целыми и невредимыми. Иначе и быть не могло!

Еще один король, да к тому же некромант? Не так уж он и страшен. Я бы даже сказала, весьма симпатичен. И вообще на Эдвина похож, точнее, Эдвин — на него. А с Эдвином я уже подружилась. Вот такая я молодец, ведь...

Виновник моего глупого, пьянящего счастья сидел напротив в глубоком кресле, устало прикрыв глаза. Свет от окна падал косо, высвечивая резкую линию скулы и тень от длинных ресниц. Я ловила момент, чтобы бросить на него украдкой взгляд.

Красивый. Надежный. Спокойный. Мой. Никому не отдам, только мой. После очередного ужасающего приключения на кладбище я уверилась: от судьбы не уйдёшь. Нет смысла загадывать на годы вперед, всё равно жизнь подкинет неожиданный вираж. Нужно ловить момент, жить сегодняшним днем. А смыслом в моём сегодня был доктор Ли. Его дыхание, его взгляд, тепло его кожи под моими пальцами.

Он приоткрыл глаза — льдистые, глубокие — и, конечно же, встретился со мной взглядом. От этого простого контакта по спине пробежали мурашки, а внутри разом выросло что-то теплое и безрассудно-радостное. Я прикусила губу, чтобы не разулыбаться с совершенно глупым видом. Тема-то

обсуждалась серьезная! И мои смешки были совершенно не к месту.

С трудом разорвав невидимую нить взглядов и обнаружив, что затаила дыхание, я заставила себя сосредоточиться на высоком, худом как жердь мужчине в черном, стоящем у пустующего камина.

Маркус ди Гриньон, король Франкии. Темный король. Прозвище подходило ему идеально. Весь он был — резкая тень, контраст: черные как смоль волосы, собранные в строгий хвост, черный бархатный камзол, черные сапоги. И мертвенно-бледное, словно высеченное из мрамора лицо с тонкими губами и пронзительными глазами, черными же, но с каким-то холодным, неживым блеском. Интересно, а бывают некроманты-блондины? Или все они происходят из одного рода, а потому похожи, как гвозди в крышке одного гроба? Узкие лица, умные черные глаза, изящные, почти женственные кисти рук, худощавое сложение... Эдвин, сидевший чуть поодаль, выглядел его младшим, чуть менее злобющим братом. *Кровь не водица, верно?*

— ...и не могу сказать, что я в восторге от сложившегося положения вещей! — Голос у Маркуса был низким, звучным, пронзающим до печенок. Уверена, ему не нужно было повышать тон, чтобы быть услышанным. Каждое королевское слово падало, словно камень в колодец. И взгляд тяжелый, как кирпич. Я невольно поежилась, хоть в мою сторону он и вовсе не смотрел. Вообще не обращал на меня внима-

ния. Впрочем, беседа велась на галлийском, ведь я понимала по-франкийски не очень хорошо, а доктор Ли и вовсе не знал языка. Остальные присутствующие были гораздо образованнее.

Лич, ах, простите, хозяин Черного замка, которому и был адресован упрек, угрюмо молчал. *А что он скажет? Виноват без всяких сомнений. Его костяные пальцы сжимали посох с таким напряжением, словно он боялся, что тот рассыплется.*

— Строго говоря, физическое состояние лорда ди Моро — последняя вещь, которая нас волнует, — Тьен Оберлинг, удобно развалившийся в кресле и принявший, как всегда, роль неформального лидера нашей разношерстной компании, подчеркнул слово «нас». Он лениво провел рукой по щетине на подбородке.

Я энергично кивнула, без слов выражая согласие.

Верно! Мы уйдем — а что там дальше будет с этим склепом и его костлявым хозяином, мне совершенно без разницы. Лишь бы поскорее.

— Всё, что вы рассказали, Оберлинг, сосредоточено в пределах ВАШИХ границ, — не остался в долгу ди Гриньон, его тон стал ледяным. Он сделал шаг вперед, и тень от его высокой фигуры накрыла Тьена. — Мертвецы Франкии мирно спят в своих могилах, их покой ничего не тревожило... до вашего незваного прибытия. Не думаю, что я в силах вам чем-нибудь помочь.

— Но на кладбище младенцев¹, Ваше Величество, стоит все же заглянуть, — мягко, но настойчиво вставил спутник ди Гриньона.

Маг жизни, Раиль Кимак. Я с невольной завистью посматривала на этого невысокого, подтянутого и весьма привлекательного мужчину. Одет он был по последней франкйской моде (свежие веяния которой доходят до нас слишком медленно, увы), резко контрастируя с готическим мраком библиотеки: белоснежная рубашка с жестким отложным воротничком, темно-синий замшевый жилет, идеально сидящие шерстяные брюки со стрелками. Черные волосы коротко подстрижены, в темных глазах — не презрение, как показалось сначала, а привычная усталая усмешка знающего цену всему человеку. Брат Изабеллы.

Сходство столь же очевидное, сколь возмутительное. Белль никогда не выглядела надменной или равнодушной. И всё же они оба — степняки и целители.

Раиль неожиданно поймал мой взгляд и едва заметно улыбнулся уголком губ — то ли в ответ, то ли над моей неловкостью. Я быстро отвела глаза.

— Ты прав, Раиль. Можно сказать, это мой семейный долг, — вздохнул ди Гриньон, напряжение в его плечах чуть спало. Он повернулся ко мне. — Миледи Оливия, расскажите еще раз, как вы вообще смогли преодолеть защитный барьер? Господин Оберлинг уже рассказал самое главное, но мне нужны детали. Ваши впечатления.

Я встрепелулась. Тьен уже вкратце обрисовал картину, но, как мне показалось, темного короля больше волновал его внезапно объявившийся дед-лич, чем какие-то там неуспокоенные младенцы. Во всяком случае, именно лорду ди Моро была посвящена довольно ядовитая лекция о запрещенной магии и вечных муках, ожидающих нарушителей. Особенно впечатлил меня финальный вердикт: за подобное испокон веков лишают жизни, но что делать с тем, кто и так мертв? *Весьма философски.*

— Миледи? — мягко подтолкнул Раиль, заметив мое за- мешательство.

Я поймала взгляд Лиамы — спокойный, ободряющий. Он едва заметно кивнул. Сделала глубокий вдох, ощущая пыльную сухость воздуха в горле, и приступила к рассказу, стараясь говорить четко:

— Видите ли, Ваше Величество, у меня есть... пес. — Я запнулась, подыскивая слова.

— Болотное умертвие², — любезно подсказал Эдвин Морроуз с самым невозмутимым видом, переплетая тонкие пальцы на коленях. Его черные глаза блеснули едва уловимой искоркой веселья.

— Ах, так это ваша тварь? — удивился темный король. Его черная бровь изящно поползла вверх. — Я думал, местная аномалия. Впрочем, продолжайте, миледи. Ваш... пес?..

— Он... равнодушен к кладбищам, — выпалила я, чувствуя, как жар заливает щеки. Звучало как-то по-идиотски.

— Мы с ним просто гуляли. По лесу. И... вышли к погосту. Пожалуй, что и всё. Он просто... привел меня туда. — Я умолкла, понимая, как это нелепо.

— Вышли к погосту... — задумчиво, растягивая слова, повторил Маркус ди Гриньон. Его черный взгляд впился в меня изучающе. — А дальше? Что вы увидели? Что почувствовали?

— На нас напали призраки. Сразу. Много маленьких призраков. Детей. — Я поморщилась, вспоминая тот леденящий ужас, пронзительные крики. — Они были... злые. Очень злые.

— Мальчиков или девочек? — спросил он резко. — Это важно.

— А я почему знаю? — вырвалось у меня, и я тут же смутилась. — То есть, простите, Ваше Величество, у меня не было возможности заглянуть им под рубашки! Да и не разбираюсь я в призраках. Я ведь не некромант! — Я развела руками, чувствуя себя полной душой.

— Девочки, — громко, с какой-то странной горечью вздохнул Эдвин, к себе вновь привлекая внимание. — Исключительно женские сущности. Погибшие, в основном, в младенчестве. — Он не смотрел ни на кого, его взгляд был устремлен куда-то в пыльный сумрак библиотеки.

— Но не все? — Ди Гриньон умел и слышать, и задавать правильные вопросы.

— Не все, — покладисто согласился Морроуз, встретив

его взгляд. — Были и дети постарше. Лет пяти-семи. Что... — он сделал паузу, — что вполне подтверждает рассказы Розанны. Единственной известной нам некромантки-женщины. Которая сумела выжить. — Последние слова он произнес с особым ударением.

Туман в голове вдруг рассеялся с ледяной ясностью. Я никогда не была душой, но события последних дней — стресс, страх, недосып, головокружительное счастье — основательно заглушили мой разум. Суть происходящего, та страшная правда, о которой все, казалось, уже знали, дошла до меня лишь теперь.

Если некромантки женского пола все же появляются на свет (а леди Стерлинг — живое тому доказательство!), и если их дар проявляется в младенчестве... то это кладбище... целое кладбище маленьких девочек... много-много крошечных, безымянных могил... Их попросту убивали. Сразу. В день рождения. Или чуть позже. Поэтому их и нет в нашем мире! Не потому, что не рождаются, а потому, что им не дают жить. В самом прямом смысле.

Черный Замок в один миг перестал быть мрачным, но интересным приключением. Он вдруг мне показался огромным, холодным склепом, пропитанным кровью невинных. А его хозяин, этот костлявый лорд ди Моро, сидящий в углу, превратился в моем воображении в кровожадное чудовище, равнодушно наблюдающее за убийствами младенцев. Захотелось вскочить, вырваться из этой удушливой библио-

теки-гробницы, сбежать куда угодно — хоть в болото, хоть в дирижабль к Яхору, только подальше отсюда! И никогда не возвращаться. Ноги сами подались вперед, чтобы встать...

И только прямой, твердый, живой взгляд Лиама остановил зарождающуюся истерику. Он сидел неподвижно, но его глаза говорили: *«Стой. Я здесь, с тобой».* *Моя стена. Мой якорь. Моя опора. Единственная надежная опора в этом рушащемся мире. Почему, черт возьми, я села так далеко от него? Почему не схватила его руку прямо сейчас?*

— И когда был последний инцидент? — спросил темный король, обращаясь к своему деду. Голос его был тихим, но в тишине библиотеки прозвучал громко. Казалось, даже пыль замерла в воздухе.

— Еще до моего рождения, — ответил лич ди Моро. Его голос, скрежещущий, как ржавые петли, прозвучал почти облегченно. — Кладбище и вправду очень старое. Оно было запечатано и забыто более полутора веков назад. Если бы наша неугомонная гостья не сунула свой любопытный нос, куда ее не звали, ничего бы...

— Это не так, — совершенно невежливо перебил его умица Эдвин. Он встал, его длинная тень заколебалась на стеллажах. — Кладбище было растревожено отнюдь не Оливией. И его... раскрытие — лишь вопрос времени. Она — лишь катализатор. Случайность. Процесс запущен кем-то другим. И я полагаю, это отголоски того, что происходит в Галлии. Кто-то весьма успешно и дерзко осваивает магию

смерти. Кто-то, кто совершенно не разбирается в древних ритуалах и не заботится о защите, но обладает... — он искал слово, — весьма изрядными силами. Или доступом к ним.

— Это невозможно, — спокойно, но с ледяной уверенностью ответил Маркус ди Гриньон. — Некроманта такой силы нет ни во Франкии, ни в Галлии. Я бы знал.

— А кто говорит про некроманта? — вскинул черные, как крыло ворона, брови Морроуз. Он сделал шаг вперед, его тонкие пальцы сжались. — Для некоторых ритуалов достаточно древних заклинаний, свежей крови жертв... и особенных предметов. — Он посмотрел на темного короля так выразительно, что тот даже слегка откинул голову назад, и его мертвенная бледность стала еще заметнее.

А Тьен Оберлинг, до этого казавшийся дремлющим, вдруг резко выпрямился в кресле и удивленно выдохнул:

— Кольца?

— Кольца, — кивнул Морроуз, и в его глазах вспыхнуло мрачное удовлетворение. Он повернулся к личу. — Вы ведь вовсе не некромант, милорд ди Моро? — задал он коварный вопрос хозяину замка. — Но провести самый сложный ритуал развоплощения³ смогли. Верно? Используя что?

— Не с первого раза, — пробурчал старый лорд, и в его голосе прозвучало что-то похожее на досаду. — Сначала я тренировался на кошках. Получалось... не очень. — Он как-то виновато пошевелил пальцами на посохе.

— И у вас есть кольцо? — упорно настаивал Эдвин.

— Да, — проскрипел лич после паузы. — Есть. Одно. Оно было среди вещей старика Морроуза, которые я выкупил на аукционе после его смерти.

Тьен шумно выдохнул, оседая в кресле, и провел рукой по лицу, словно смахивая внезапную усталость. Удовлетворенно, почти торжествуя кивнул Морроуз. Я снова посмотрела на Лиаму. В его глазах читалось понимание, легкая тревога и... облегчение? Он тоже почувствовал это? Вот он, тот самый хвост, который так долго ловил Оберлинг. Не иначе, как мы наконец нашли ключ. И, возможно, самые страшные приключения уже позади? Или... только начинаются? Доктор едва заметно мне улыбнулся — только глазами. И в моей груди потеплело. Пусть. Что будет, то будет.

**Примечание авторов: темным королем Маркуса ди Гриньона в народе прозвали давно, сразу же после коронации.*

¹Кладбище младенцев— специфическое место захоронения, связанное с жертвами определённых магических практик или социальных табу.

²Болотное умертвие— магическое существо, обитающее в болотистой местности, обладающее связью с некротической энергией.

³Ритуал развоплощения— сложное магическое действие, результатом которого является отделение души от физической оболочки, часто ведущее к состоянию лича.

Глава 3. Искушение

Бесовы перчатки сводили меня с ума.

Я всегда тщательно берегла руки. Не брала в руки тряпку, не прикасалась к посуде с мочалкой. И уж точно, упаси богиня, не стирала. Следила за тем, чтобы нежная кожа на подушечках пальцев не огрубела. Пальцы — мой главный рабочий инструмент. Чтобы взламывать сейфы, я должна чувствовать те самые едва уловимые колебания металла, дрожь отмычки, скрежет и вибрации замка. Даже щелчки механизма я улавливала кончиками ногтей. И в толпе, где раззявы так часто теряли кошельки, часы и шелковые носовые платки, ловкие руки были мне нужны как воздух.

Когда же я перестала пользоваться дорогими кремами и притираниями, когда впервые потеряла свои перчатки? Я точно могу назвать тот роковой день. Именно тогда в моей жизни появились блуждающие мертвецы¹ и человек с механической рукой. Перепугавшись до смерти, я даже не вспомнила про склянки притираний. Бросила ли я их тогда в саквояж? Не знаю.

А потом был госпиталь. Совсем другие инструменты, бинты, тампоны, перевязки...

У несносного господина Кимака были просто великолепные перчатки. Они небрежно торчали из кармана его пальто, которое висело на разлапистой вешалке в холле. Несколько

раз я продефилировала мимо, погладила дремлющего на пороге Демона, поглазела на одинаковые портреты одинаковых некромантов.

Руки у Кимака маленькие, изящные. Он и сам невысок ростом и узок в плечах. Яхо даже чуть крупнее своего старшего родича. Перчатки цвета горького шоколада должны были быть мне впору. Видно, что они из мягчайшей, бархатистой телячьей кожи, с шелковой подкладкой и тонкой, изящной вышивкой. Безумно дорогие, разумеется, как и все предметы гардероба этого неприятного господина. И торчат из кармана так дразняще!

Уверена, он ничуть не удивится, если они... вдруг бесследно исчезнут.

Нет, мне не стыдно за свои мысли. Я родилась воровкой, мне никогда не суждено стать леди. Даже рядом с Лиамом. Никто ведь не заметит. А у меня при случае появятся роскошные перчатки...

Останавливало меня лишь то, что господин Раиль Кимак — наш союзник. Несмотря ни на что. Воровать у своих — верх подлости. И я, с сожалением прикусив губу, покинула холл, дав себе непоколебимое обещание: если только господин Кимак окажется дурным помощником в деле упокоения кладбища, я позволю себе этот маленький сладкий каприз.

Судьбоносную операцию назначили, разумеется, на ближайшую ночь. Некроманты в это время полны сил и энергии. Командование на себя нынче принял Его Величество ди

Гриньон, он же отправил спать и беднягу Огюста, и Тьена, и обоих целителей, и меня, разумеется. А сам вместе с Эдвином заперся в библиотеке, лишь бросив напоследок удивленное:

— С кошками — великолепная затея. Реализовано сомнительно, но эффект налицо.

Я ничего не поняла, но запомнила. С кошками нечисто. Впрочем, это и без того ясно. Но, видимо, в этих полуразложившихся тварях есть что-то еще, что не заметно обычному человеку.

Спать, конечно, не пошел никто. Тьен раздобыл где-то виски и теперь основательно надирался в гостиной в компании Огюста. Я неотрывно разглядывала перчатки. Доктор Ли и доктор Кимак отправились на кухню. Все знают, что целители — не дураки вкусно пожрать. И ведь не толстеют совершенно, потому что все свои силы буквально тратят в работе, которой у них всегда выше крыши.

Немного подумав, я решила присоединиться к ним. Замерла за дверью кухни, плотно прижавшись к прохладной стене, и прислушалась.

— Тебе ведь тридцать девять, Лиам? — голос Кимака звучал насмешливо и даже пренебрежительно.

— Верно.

— Ты глуповат? Или просто неудачник?

— Простите?

Я тоже удивленно вскинула брови. Какой странный разго-

вор. Очень, очень неприятный. И оттого невероятно любопытный.

— Уровень у тебя... не меньше второго? — перечислял Кимак. — Опыта — предостаточно. Учился у моего отца, а он — лучший. Круг твоих близких друзей впечатляет. Среди них — Тьен Оберлинг, один из самых богатых и влиятельных людей Галлии.

— Настораживающая осведомленность, — сдержанно произнес Лиам.

— И ты работаешь в госпитале для нищих, не имеешь собственного дома, даже не женат? Мог бы лечить самого Алистера или заведовать медицинским департаментом, ноковыряешься в гнойниках у отбросов? Зачем?

— Я не записывался на исповедь. И уж точно не к вам.

Тихо вздохнув, покачала головой. Раиль говорил ужасные вещи, но я внутренне с ним соглашалась. Целитель с таким уровнем и опытом, как доктор Ли, должен жить куда лучше. И жену себе выбирать не столь опрометчиво.

— Госпиталю довольно и слабых магов. Никаких серьезных случаев там все равно не бывает. Ну что там интересно? Гангрена? Сифилис? Пробитый затылок? Дизентерия?

— Как раз при дворе не болеют ничем «интересным». Паратройка пикантных болезней, мигрени, сезонная инфлюэнца. Услышать от вас эти речи мне... странно, коллега. И отец ваш считал совершенно иначе.

В голосе Лиамы послышалось нарастающее раздражение.

Его явно задели слова Кимака.

— Мой отец — сын степного хана! — громко перебил его Раиль. — У него денег больше, чем ты можешь себе представить. У него собственная больница в Ур-Тааре, дом и счета в банках. Он может себе позволить благотворительность. Ты — нет.

— Достаточно. Это разговор слепого с глухим, — очень холодно ответил Лиам. — Пожалуй, мне стоит выпаться. Нас всех ждет изматывающая ночь.

— Зря ты отказываешься. Во Франкии очень нужны различные целители. Подумай хорошенько, у тебя будет все, что пожелаешь. Операционные, лаборатории, любые инструменты, да хоть целая кафедра студентов!

— Нет.

— А твоя девушка? Она тоже не хочет хорошо жить? А дети, ты ведь хочешь детей? На какие деньги ты собрался их растить? Учить? Нищие и проститутки никогда не оценят твоей великой жертвы, доктор Ли.

— Кажется, я доходчиво выразился.

Вот, значит, что это за разговор. Лиаму предложили работу во Франкии. Хорошую должность, высокое жалование, возможно, даже квартиру или дом. А он отказался. Почему? Я не понимала, но смутно чувствовала, что, согласившись, он потеряет часть себя. И потом всю жизнь будет жалеть.

Впрочем, подозреваю, что жалеть он будет в любом слу-

чае.

Тихо отступив, я твердо обещала себе, что буду молчать. Не позволю ему ради меня отказаться от своего призвания. Не посмею. Но следующая фраза Кимака вызвала у меня нервный смешок.

— Что же, я тебя услышал. Передумаешь — знаешь, как меня найти. Ночью будет тяжко. Надеюсь, хоть один мой совет ты не проигнорируешь. У тебя есть девушка, — самое время воспользоваться этой удачей. Я приехал один, резерв мне пополнить нечем. Значит, донором будешь ты. Отправься в постель к своей красотке и займись нужным делом.

Тихое предупреждающее рычание было ему ответом.

Я захихикала про себя. Отличный совет, как по мне. Теперь Лиам не отвертится. Даже если вспомнит о том, что у хозяина замка полно накопителей.

Целители, да и любые маги, конечно, быстрее всего восстанавливают энергию в страстных объятиях. Но с изобретением портативных накопителей² все стало куда проще и доступнее. Технический прогресс не стоит на месте, темные века закончились.

А может, наоборот, только начались? Кто-то же поднимает кладбища? Получается, что прогресс — он не только на пользу обществу? Пожалуй, я завтра задам этот каверзный вопрос господину Оберлингу.

Уверена, ему понравится...

— Ты ведь всё слышала?

Голос Лиама, тихий и усталый, прозвучал прямо над ухом. Я даже не вздрогнула — научилась чувствовать его приближение, когда он ступал бесшумно, как тень. Отодвинулась от прохладной стены, повернулась к нему. В полумраке коридора его лицо казалось восковым. Резкие тени под скулами, паутинка морщинок у глаз, сжатые в твердую линию губы. Но в его светлых глазах бушевала нешуточная буря. Гнев, раздражение, и что-то еще... досада? На себя? На Кимака? На весь этот безумный мир?

— От начала и до совета насчет «нужного дела», — кивнула я, стараясь придать голосу легкую, беспечную нотку. — Очень... практичный господин Кимака. Он мне не понравился.

Лиам тяжело вздохнул, провел рукой по лицу, словно стирая налипшую пленку усталости. Его длинные и сильные пальцы дрогнули едва заметно.

— Не обращай внимания. Он... — Лиам запнулся, подбирая слова. — Видит мир через призму привычного статуса. Власть слепит. Он давно уже не видит и не понимает иного.

— А ты понимаешь? — спросила я мягче, поймав его взгляд. — Почему отказался? Звучало заманчиво. Операционные, лаборатории, кафедра...

Он посмотрел на меня так пристально, что мне стало не по себе. Как будто искал ответ на моём лице.

— Потому что это не мой путь, — произнес он наконец,

твердо. — Потому что там, в том госпитале, люди нуждаются именно во мне. Я нужен им, Льену. Потому что... — Он снова запнулся, и в его глазах мелькнуло что-то уязвимое. — Потому что там я чувствую себя нужным. По-настоящему. Для меня это важно. Я этим живу уже много лет. И меня не исправить.

В его словах не было пафоса, только усталая, выстраданная правда. Я протянула руку, осторожно коснулась его пальцев. Кожа на их подушечках была грубой, шершавой от постоянной работы, но для меня эти шероховатости были дороже любой, самой шелковой глади.

— Тогда Кимак прав в одном, — сказала я тихо, шагнув еще ближе. Его запах — хвойное мыло, лекарственные травы, легкая терпкость пота. — Нас ждет изматывающая ночь. Ты должен быть полным сил.

Я увидела, как напряглись его скулы, и Лиам отвел взгляд. — Накопители...

— Забудь про них, — перебила я уже увереннее. Моя рука скользнула по его руке к локтю, затем к плечу. Через тонкую ткань рубашки я чувствовала жар его кожи, напряжение мышц. — Ты же сам знаешь, что естественный способ... куда эффективнее. Быстрее. Чище. Разве не этому учат целителей?

Он медленно повернул голову, его взгляд упал на мои губы, затем скользнул вниз, на грудь, и поплыл. Нет, буря в его глазах не утихла, но сменилась чем-то иным — глубоким,

темным, манящим. Голодом. Не только физическим. Жажда забыться, утонуть в чем-то простом и настоящем. Том, что не имеет отношения к некромантам, кладбищам и ядовитым советам коллег.

— Учат, — прошептал он хрипло. Его рука мягко накрыла мою, прижимая к плечу. Жар ладони проник сквозь ткань платья. — Но для меня это не просто... восстановление сил, Оливия.

— Знаю, — ответила я так же тихо, поднимаясь на цыпочки, чтобы наши лица оказались ближе. Его дыхание коснулось моей кожи. — Но сегодня это нужно. Тебе. Мне. Чтобы завтра мы оба вернулись. Живые. И ты смог сделать то, что должен.

Я увидела, как дрогнули его веки, как сжались челюсти в последней попытке сопротивления — не мне, а собственной усталости, сомнениям, долгу, который всегда тяготел над ним. А потом он наклонился. Его губы не сразу накрыли мои — сначала коснулись уголка рта, затем линии скулы, как будто прося разрешения. И когда я ответила на этот немой вопрос, прильнув к нему всем телом, поцелуй углубился, стал требовательнее. В нем не было нежности — была лишь отчаянная потребность.

Он прижался так сильно, что перехватило дыхание. Вцепившись пальцами в ткань его рубашки, я почувствовала под ней жесткие мышцы, играющие от напряжения. Руки доктора уверенно скользнули вниз, обхватили мои бедра, он легко

подхватил меня. Я обвила его ногами, вжимаясь, теряясь в его поцелуях, в его запахе, в жарком вихре, поднимавшемся между нами.

Минуту спустя доктор уверенно нес меня по темному коридору, не оступаясь и не спотыкаясь, будто знал путь на ощупь. Дверь в мою спальню открылась без скрипа. Не выпуская меня из объятий, он беззвучно вошел и притворил её за собой. Я громко фыркнула и оглянулась. Всё правильно.

Он опустил меня на край кровати. Его руки, обычно такие уверенные, дрожали, расстегивая пуговицы моего платья. Каждое прикосновение его пальцев к коже спины, шеи, груди зажигало тропинки мурашек и вспышки тепла. Я помогала, сбрасывая ткань с плеч, ощущая контраст прохладного воздуха и жара его ладоней, его губ.

Его поцелуи падали, как жгучие звезды. Руки скользили по изгибам моего тела, исследуя знакомую карту, отыскивая отклик дрожью и стоном. Мои пальцы скользнули по шрамам под его рубашкой — неммым следам неизвестных мне битв — прежде чем я впилась в ткань, сорвала ее. Мои губы жадно искали его шею, грудь, вдыхая солоноватый, мужественный запах, смешанный с травами.

Одежда пала ненужным барьером. Мы сбросили ее яростно, в темноте, и рухнули на кровать, сплетаясь в жадном танце. Его твердое, вспотевшее тело. Мое — гибкое, отзывающееся волной желаний на каждое движение.

Мысли о завтрашнем дне, мертвецах, перчатках, — всё

растворилось. Осталось только сейчас. Жар его кожи. Глухой стон в ответ на мои пальцы в его волосах. Влажный поцелуй на груди, выгибающий спину немым криком. Когда он вошел в меня, огненная волна медленно заполнила пустоту. Ритм его движений становился все более неистовым, словно неукротимый прибой. Его имя звучало шепотом, а пальцы переплетались с моими, создавая ощущение единения. Напряжение внутри меня нарастало, как сжатая пружина, готовая в любой момент распрямиться.

И взрыв — не ослепительный, а теплый, золотистый свет, разлившийся из точки нашего соединения, окутавший нас. Я чувствовала его каждой клеткой, наполняясь этой живой, творческой силой. Его тело содрогнулось, он глухо вскрикнул, прижимая лоб к моему плечу. Затем... тишина. Только бешеный стук сердец, замедляясь, и дыхание, сливаясь в один ритм.

Мы лежали, сплетенные, мокрые от пота, не в силах пошевелиться. Его голова тяжело лежала у меня на груди, волосы пахли пылью дорог и его неповторимым, родным запахом. Я провела рукой по его спине, ощущая, как под кожей пульсирует мощная энергия. Чистая и яркая, словно небо после грозы. Это была энергия жизни, которую он щедро дарил миру, и теперь, через эту близость, она вернулась к нему с удвоенной силой.

— Видишь? — прошептала я, целуя его в макушку. — Гораздо лучше накопителей.

Он глухо заурчал, словно довольный кот, и крепче прижался. Усталость все еще окутывала его, как тяжелый плащ, но теперь в ней не было прежней изможденной пустоты. Чувствовалась глубокая, животная удовлетворенность и покой. Заряд, необходимый для предстоящей битвы.

Я лежала, глядя в потолок, очертания которого постепенно проступали в наступающем рассвете. Рука моя лежала на его спине, пальцы невольно водили по знакомым шрамам, как по слепку его прошлого. И вдруг, совершенно не к месту, в голове всплыл навязчивый образ. Перчатки Кимака. Тот самый бархатистый шоколадный оттенок, тонкая вышивка, шелковая подкладка...

Как бы они смотрелись сейчас на моих руках? Как бы ощущалась эта роскошная кожа на моих собственных, таких чувствительных кончиках пальцев?

Я фыркнула про себя, стараясь прогнать навязчивую мысль. Не леди. Воровка.

Даже здесь, в его объятиях, после такого, старые привычки, как крысы, норовили вылезти из темных уголков сознания. Но сейчас это казалось неважным. Совсем неважным. Я прижалась щекой к его волосам, закрыла глаза, слушая ровное дыхание. *Пусть перчатки подождут. Сейчас здесь, в этой узкой кровати, пахнувшей нами, лавандой и будущим рассветом, было единственное место, где мне хотелось быть.*

◆◆※◆◆¹ **Блуждающие мертвецы**— В контексте про-

изведения: оживлённые некромантией трупы, не находящиеся под полным контролем заклинателя и перемещающиеся бесцельно или по слабоосознанным импульсам.

² **Портативные накопители**— Устройства для хранения и передачи магической энергии, альтернатива её естественному восполнению.

Глава 4. Кладбище

С наступлением сумерек небо над Чёрным Замком стремительно темнело, словно невидимая сила задвигала тяжёлую свинцовую завесу. Ветер свистел по двору, взметая в воздух остатки опавших листьев и заставляя нас плотнее кутаться в плащи. У массивных въездных ворот собралась группа, выглядевшая весьма живописно.

Лицо Маркуса ди Гриньона, Тёмного короля, сильнейшего из известных миру некромантов, в свете керосиновых фонарей казалось высеченным из мрамора. Раиль Кимак, искусный целитель и опытный маг жизни, казался спокойным и даже чуть весёлым. Его дорожный костюм — куртка с капюшоном до середины бедра и узкие, заправленные в высокие сапоги штаны — я разглядывала с жадным любопытством. Безумно дорогая водоотталкивающая ткань отливала серебром. В Льене из такого материала шили плащи и пальто для знатных дам, и увидеть нечто подобное на мужчине было странно. Впрочем, Кимак всегда выглядел элегантно. У него отличный вкус, этого не отнимешь.

Привычно бледный Эдвин Морроуз стоял поодаль и напряжённо вглядывался в стремительно темнеющее небо. Что он там видел? *Небо как небо, звёзды как звёзды, тучи как тучи.* Но его чёрные брови сердито хмурились, будто он разглядел среди тусклых огоньков нечто тайное и тревожное.

Тьен Оберлинг явно скучал, скользя глазами по своему маленькому ударному отряду. Его нисколько не смущало присутствие сюзерена Франкии; сейчас он был очень похож на своего знаменитого отца, великого Огненного Генерала, чьи портреты я нередко видела в кабинетах лордов и присутственных местах. *Надо же, а я ведь впервые осознала это родство. До этого милорд Оберлинг был сам по себе, отдельной личностью. А ведь у него были родители, брат, семья... Это почему-то меня чуточку успокоило. Сын Огненного Генерала совершенно точно унаследовал что-то от великого предка. Не может он проиграть. А значит, и нас вытащит. Главное — вовремя спрятаться за его широкую спину. Достаточно с меня геройств, я устала от подвигов и мечтаю, чтобы это славное приключение поскорее закончилось!* Думаю, что Лиам, проверявший застёжки на моём плаще, желал того же.

И всё же я ни о чём не жалела. Моя жизнь стремительно изменилась. Прежние желания, идеалы и принципы теперь казались глупыми и смешными. Зато надёжный и молчаливый мужчина, бережно ласкавший меня ночью, а теперь заботливо поправлявший тяжёлый тёплый плащ из закров Чёрного Замка, стал самым важным в этом мире. Он и мой пёс — всё, что теперь у меня было ценного.

Демон, в отличие от всех нас, ни в чём не сомневался и ничего не страшился. Вертел головой, натягивая поводок, сшитый Яхором из прочнейшей зачарованной кожи, рвался впе-

рѣд, к лесу, улавливая знакомые, волнующие его запахи.

— Не нравится мне всё это, — нарушил тягостное напряжённое молчание Оберлинг (*как будто происходящее хоть у кого-то вызывало восторг!*). — Смотрите, успеем туда и обратно? — Голос Тьена звучал непривычно серьёзно, без привычной насмешливой ноты.

Он указал подбородком на запад. Мы все как по команде повернулись и замерли.

На тонкую полосу розового неба, ещё озарённого закатом, медленно надвигалась свинцово-серая стена. Она казалась живой, пульсировала зловещим светом и поглощала пространство с неумолимой стремительностью.

Его франкийское величество Маркус поджал губы, тонкие пальцы крепко обхватили набалдашник посоха.

— Магия всегда конфликтует с природными катаклизмами. Энергии смешиваются беспорядочно, это несёт в себе риск. Магия смерти особенно опасна.

Эдвин, не отводя взгляда от тучи, качнул головой.

— Откладывать больше нельзя. Запирающие печати разрушены. После зимнего солнцестояния, когда тьма окончательно вступит в свои права, будет только хуже. Мы на краю катастрофы.

Звучало не очень оптимистично. А в свете всего того, с чем мы сталкивались в последние дни, меня от его слов пробрала ледяная дрожь.

Маркус тяжело вздохнул. В его нетерпении читалась при-

вычка повелевать.

— Значит, придётся поторопиться. Ритуал должен быть завершён до пика бури. Леди Оливия, ваш пёс — наш проводник. Лишь с его помощью мы попадём на кладбище, не нарушая старую защиту. Я очень рассчитываю на вас.

Лиам молча кивнул, подтверждая его слова, и незаметно сжал мои озябшие пальцы своей тёплой ладонью. *Перчатки! Как они мне сейчас нужны! Нужно было всё же украсть их у Кимака. Тем более на нём сейчас совсем другие.* Встретившись глазами с доктором, я увидела в его взгляде ту же тревогу, что сжимала моё сердце. Отпустив мою руку, затянув шнурок капюшона потуже, он ободряюще мне улыбнулся.

Я кивнула и сделала несколько шагов вперёд. Слов не нашлось, а впрочем, я побоялась выдать свой страх дрожью в голосе. *Крысья пасть, я отчаянно трусила!* На этом бесовом кладбище я уже была, и возвращаться мне туда точно не хотелось. Но я прекрасно понимала, что Демон будет послушен только своей хозяйке. Без меня — никак. Я ослабила поводок, и пёс, тут же поняв, что от него хотят, бросился вперёд с такой силой, что я едва удержалась на ногах. Наша мрачная процессия направилась к лесу навстречу надвигающемуся хаосу даже быстрее, чем собиралась — потому что мне пришлось едва ли не бежать за волокущим меня Демоном.

Путь на кладбище, показавшийся днём нам с Огюстом не таким уж долгим и даже простым, обернулся настоящим

кошмаром. Ветер, который недавно был лишь порывистым, теперь завывал в голых ветвях деревьев, ломая сучья и швыряя их под ноги. Первые капли дождя, тяжёлые и холодные, ударили по лицу, словно дробь. Спустя несколько минут небеса разверзлись. То, что происходило вокруг, назвать дождём было немыслимо: сильный ливень превратился в неукротимую стену воды, стремительно несущуюся вниз. Мы пробирались через раскисшую землю, увязая по щиколотку в грязи и спотыкаясь о скользкие корни.

И всё же — мне странным образом полегчало. В самую сильную непогоду я всегда вспоминала, что во мне есть хоть и очень слабый, но дар водяной магии. Откуда-то взялись свежие силы, будто открылось второе дыхание. И я шла наравне с мужчинами, уверенно и твёрдо, хоть и уступала им и в выносливости, и в силе.

Оберлинг сначала держался рядом, то пытаясь поддержать меня, то подставляя локоть. Но, убедившись, что я не собираюсь падать или жаловаться, оставил меня в покое. И правильно — Демон нервничал, когда он подходил ко мне слишком близко. Должно быть, чуял оборотневую кровь. Да и вообще из всех моих спутников пёс снисходил только до некроманта и, пожалуй, Лиамы — но только из-за привязанности ко мне.

Светящееся пятно — шерсть Демона — сейчас было нашим единственным ориентиром, маяком в этом адском мраке. Я крепко держала поводок, чувствуя, как холодная во-

да заливается за воротник и пропитывает насквозь плащ, с каждым шагом становившийся всё тяжелее, и в который раз завидовала доктору Кимаку и его лёгкому непромокаемому костюму. Раиль уже казался мне не богатеньким пижоном, а крайне рациональным мужчиной.

Демон остановился так внезапно, что я по инерции проскользила ещё несколько шагов. Крепкая рука Оберлинга удержала меня от бесславного падения в грязь. Мы вывалились на поляну, окружённую густым лесом. Пёс подобрался и глухо зарычал, шерсть на холке встала дыбом. Перед нами раскинулось кладбище.

Дождь разом прекратился, а может, его здесь и вовсе не было. Но буря по-прежнему бушевала над нашими головами, и в свете молний, то и дело разрывающих стремительно несущиеся на восток тучи, старый погост выглядел ещё ужаснее, чем накануне. Под натиском взбесившейся стихии крошечные полуразрушенные могилы выглядели особенно жалко. Ветер рыдал и стонал, а воздух был пропитан невысказанной болью, обидой и древней, слепой злобой, которая гудела и вибрировала вокруг. Призраки пока не показывались, но их неуловимое присутствие ощущалось кожей — по спине пробежали мурашки, в горле застрял комок, а сознание охватил холодный животный ужас.

— По местам! — скомандовал Маркус, его голос, усиленный магией, прорвался сквозь грохот бури. — Некромант и пёс — в центр! Они станут якорем!

Я остановилась на краю поляны рядом с Тьеном, впервые ощутив сожаление об отсутствии Огюста, а ещё лучше — Яхора с его надёжным револьвером и спокойной улыбкой. В этот момент мне не помешали бы добродушная шутка и крепкое дружеское плечо. Усталость и тревога валили с ног, а руки, державшие кожаный поводок, неприятно ломило. словно почувствовав, что я совершенно обессилела, Тьен приобнял меня за плечо, и на этот раз я не отстранилась. В его движении не было ничего личного. Так поддерживают друга или союзника. Оберлинг даже не взглянул на меня. Настороженный и напряжённый, он вертел головой, внимательно слушая вой ветра и всматриваясь в полог леса, окружавшего кладбище.

Лиам бросил на нас нечитаемый взгляд, но, кажется, всё понял правильно. Этот удивительный человек всегда всё понимает правильно.

Эдвин, насквозь промокший и дрожащий от холода, приняв у меня поводок, повёл Демона к центру заброшенного кладбища. Как будто осознав наш план, пёс послушно последовал за некромантом и лёг, подчиняясь его воле. Маги сдвинулись, обступив его плотным кольцом. Я не понимала, что они делали и почему встали в такую позу, но это и не удивительно. В кругу моих близких знакомых сильных магов не было никогда. В повседневной жизни такие люди не показывают свои ритуалы.

Тёмный король воткнул свой посох в землю и застыл, пре-

вратившись в неподвижную тёмную статую, обращённую лицом к бушующему лесу. Райль встал напротив, вытянув руки вперёд. В них мерцало что-то тёплое и золотое, едва различимое сквозь пелену дождя. Эдвин упал на колени перед Демоном, крепко схватил его за шерсть и зашептал что-то быстро и отчаянно, почти касаясь своим длинным носом мокрого бока пса. Лиам встал между ними, положил руки на плечи обоих и выглядел так, будто готовился к сложной операции.

И началось.

Сначала я просто почувствовала, как по коже побежали мурашки. Воздух внутри круга магов заструился, заиграл радужными разводами, словно лужа с разлитым машинным маслом. Я не слышала ни звука — буря ревела, заглушая все голоса, — но видела, как губы мужчин двигались, и ощущала магическую энергию. Она била по нервам, заставляя ныть зубы, стучала в висках, колотилась в унисон с сердцем.

Гром, который до этого приглушённо ворчал где-то вдали, внезапно разразился мощным раскатом. Оглушительно, прямо над самой головой. Я вскрикнула от неожиданности и стиснула ладонь Оберлинга, но мой голос потонул в этом адском грохоте. Следом за ним небо прорезал ослепительно-синий зигзаг молнии. На краткий миг она озарила всё вокруг: застывшие лица магов, напряжённые и искажённые гримасами, и тени — длинные и причудливые — которые метнулись не прочь от света, а в центр круга, к Демону.

Второй удар прогремел почти сразу, будто небо треснуло пополам. Земля под ногами дрогнула. В этом смятении, в этом беспорядочном шуме что-то изменилось. И они появились. Из воздуха, из земли, из-за покосившихся каменных надгробий. Маленькие, полупрозрачные, растерянные и испуганные, они метались над кругом, и их беззвучные рыдания сливались с воем ветра в одну жуткую, леденящую душу симфонию.

Ритуал достигал своей кульминации. А гроза — своей.

Молнии сверкали одна за другой, ослепляя. Гром непрерывно гремел, сотрясая землю под ногами. Маги застыли, словно окаменели, но я заметила, что Эдвин покачнулся, а лица ди Гриньона и Кимака побелели от напряжения. Лиам стоял, впившись пальцами в их плечи, его лицо исказилось от усилия, очки запотели. Кажется, он изо всех сил подпирал Раиля, отдавая свою энергию, чтобы стабилизировать ритуал. На земле возле его ног валялось несколько магических накопителей, видимо, уже пустых.

И тут произошло то, что напророчил Маркус ди Гриньон.

Сверкающая молния спикировала в громяющих небесах подобно бело-голубой змее невероятной толщины и пронзила старый полузасохший дуб на самом краю кладбища. Раздался оглушительный треск, который я различила даже сквозь буйство стихии. Дерево раскололось надвое. Массивная ветка, вспыхнувшая ярким пламенем, отлетела вниз. Прямо на Тёмного короля, не замечавшего происходящего

вокруг, целиком погружённого в ритуал.

Я закричала и инстинктивно бросилась вперёд. Мой крик потонул в грохоте стихии, а глупый порыв был остановлен рукой Оберлинга. Тьен с глухим рычанием бросился в их сторону, но я сразу поняла — не успеет. Никак не успеет.

Зато успел мой Лиам. Его реакция оказалась молниеносной. Не раздумывая, он разомкнул Круг и изо всех сил толкнул франкийского короля. Слепящая вспышка. Глухой удар. Маркус ди Гриньон отлетел в сторону, а Лиам, принявший на себя и магический разряд, и падающие обломки ветки, рухнул на землю без единого звука. Его тело судорожно дёрнулось, а затем застыло в неподвижности.

¹ **Крысья пасть**— В низах общества Льена распространенное сленговое ругательство, которое используется для выражения досады, раздражения или страха.

Глава 5. Дышит. Жив

— Не-е-ет! — мой крик был похож на дикий вой, разрывающий изнутри.

Страх, отчаяние и ужас слились в один неукротимый, дикий всплеск энергии. Я не произнесла ни одного заклинания, да я их и не знала никогда. Из глубины меня, из самого центра груди, где, кажется, находится душа, вырвался крик, протест против несправедливости мира, отнимающего у меня самое ценное.

И небо ответило.

Вся масса воды, вся ярость грозовой тучи, которую я чувствовала каждой клеточкой, обрушилась вниз. Не просто дождь — водопад. Сокрушительный поток, обрушившийся точно на центр кладбища. Тонны влаги низверглись на магов, на призраков, на меня.

Это напоминало освобождение. Божественное омовение. Всё вокруг окутала водяная пелена. Саван. Призраки, эти несчастные, плачущие души, под его тяжестью затихли. Расплылись, растворились, исчезли. Зловещая вибрация в воздухе оборвалась.

Вне всякого сомнения, ритуал был завершён, пусть и вопреки всем правилам и нормам, стихийно.

Дождь внезапно стих, оставив после себя оглушительную тишину. Крупные капли продолжали падать с деревьев, а ве-

тер, утратив былую напористость, мягко гудел в ушах, словно успокаивая нас всех.

Я стояла, не чувствуя ног, промокшая и дрожащая. Горло саднило, в груди кололо, собственный крик всё ещё звенел в ушах. Не в силах оставаться на месте, я рванулась вперёд, скользя по раскисшей земле, и рухнула на колени рядом с телом доктора, опередив даже Тьена.

— Лиам... Нет, нет! — шептала я, глотая слёзы и дрожащими пальцами стирая с безжизненного лица грязь и кровь. Лоб был ледяным.

Тьен твёрдой рукой отодвинул меня в сторону.

— Дай места, Оливия. Дышит? — Его смуглые пальцы легли на шею Лиамы. — Дышит.

Я всхлипнула, не в силах произнести ни слова, прикусив губу до крови. Пальцы сами потянулись к его куртке, стараясь расстегнуть промокшие пуговицы, чтобы он мог дышать.

— Жив! — выкрикнул Тьен, облегчённо выдыхая и обращаясь ко всем. — Райль!

Я подняла взгляд на Кимака. Он был бледен как полотно, под опухшими глазами — сизые тени. Серебристый костюм заляпан грязью, капюшон слетел, и модная причёска представляла собой жалкое зрелище. Королевский лекарь подполз к нам, шатаясь, его пальцы легли рядом с пальцами Тьена.

— Шок, контузия, вероятно, травма глаз, — отчётливо перечислил он. — Я почти пуст. Нам нужно вернуться. В замке

есть ещё накопители. Быстро!

Я перестала слушать. Схватив край своего промокшего плаща, я с отчаянной силой начала стирать кровь с лица Лиамы, стараясь найти рану и понять, насколько всё плохо. Мои движения были быстрыми и неуклюжими, в них выплёскивались ярость и страх.

— Подними его, — приказала я Тьену твёрдо, без тени прежней неуверенности. *Я уже проходила через это однажды, когда вытаскивала Огюста с этого проклятого кладбища. И готова была повторить.*

Громко кряхтя, Маркус с трудом поднялся на ноги и тут же скомандовал:

— Оберлинг, займись Морроузом. Он без сознания. Кимак, вы с леди Оливией транспортируйте доктора. Я забираю собаку. Выдвигаемся немедленно.

Мы побрели, словно призраки. Тьен взвалил на плечи бесчувственного Эдвина. Раиль и я подхватили Лиаму, обняв его за плечи. Он повис на нас тяжёлым безвольным грузом. В одиночку ни я, ни миниатюрный степняк не смогли бы даже сдвинуть с места крупного доктора, но вдвоём мы кое-как, шатаясь, спотыкаясь и тихо ругаясь под нос, двигались вперёд.

Кто бы мог подумать, что именно Кимак, который мне нравился меньше всех из присутствующих, станет моим помощником! Демон вертелся вокруг нас, скуля, тыкался носом в безжизненную руку Лиамы и встревоженно заглядывал мне

в глаза. Даже бессловесное животное понимало, как важен для меня человек, дыхания которого совсем не было слышно.

Ветер, наш давний противник, внезапно изменил свою тактику. Из тёплого, влажного и ненадолго притихшего он превратился в пронизывающий до костей ураган. Мокрая насквозь одежда мгновенно заостенела, превратившись в ледяной панцирь. Плащ на моих плечах стал тяжёлым и неподатливым, как броня. Двигаться стало невыносимо трудно. Каждый шаг отзывался острой болью в окоченевших мышцах. Кимак двигался довольно свободно, его волшебный костюм не особо пострадал. Ткань же наших плащей и курток лопалась и звенела, покрываясь хрупкой стеклянной коркой. Зима выбрала самый неподходящий момент, чтобы заявить о своём приближении. Или, может быть, это — последствия ритуала?

Дорога на кладбище была сущим кошмаром, но путь обратно превратился в настоящий ад. Мы шли, спотыкаясь и падая, поднимались и снова брели вперёд, ведомые лишь инстинктом выживания и светом окон Чёрного Замка. Он едва пробивался сквозь густую чащу, но был для нас маяком надежды. Я не чувствовала ни ног, ни рук, державших Лиама. Только ледяной холод в лёгких и всепоглощающую мысль: *дойти. Дойти любой ценой.*

Деревья наконец расступились, и мы вывалились на опушку. Впереди мрачно возвышался замок.

Ворота. Спасение.

Собрав остатки сил, я, поддерживая Лиама, медленно двигалась к воротам. Мои пальцы скользили по обледеневшему металлу, не находя задвижек. Тьен, держа Эдвина на плечах, из последних сил плечом толкнул тяжёлое полотно. С громким, оглушительным треском я сломала ледяной покров своего плаща и упала внутрь, таща за собой Лиама. Остальные последовали за мной.

Мы рухнули на обледенелые каменные плиты внутреннего двора, задыхаясь, стуча зубами от холода, не в силах произнести ни слова. Мы вернулись. Живы. Почти.

Разносился протяжный звон — всё вокруг быстро покрывалось слоем льда.

Лиам лежал рядом со мной, его дыхание было слабым и прерывистым. Вопреки всему, я была сейчас абсолютно счастлива. *Дышит. Жив.*

Мы ввалились в холл Чёрного Замка, словно выброшенные штормом обломки корабля. В лицо пахнуло пылью, старой древесиной и сухими травами — затхлое, но такое желанное тепло после ледяного ада снаружи. Я рухнула на каменные плиты пола, не в силах удержать на ногах ни себя, ни Лиама. Он тяжело сполз с моих плеч, его голова мягко стукнулась о мой ботинок. Я замерла, затаив дыхание, боясь услышать тишину вместо его хрипов. Но нет — его грудь поднималась, пусть прерывисто и слабо. *Жив. Пока жив.*

— Крысья пасть! Что с вами случилось? — вытаращил

глаза Огюст, который, как и было уговорено, ожидал нас в холле.

Франкиец ругался очень редко, только в моменты сильных потрясений. Что же, плачевный вид нашей компании явно его расстроил. Меня это чуточку порадовало — всё же приятно, когда за тебя переживают. Очень приятно, я даже начинаю к этому привыкать.

Он бросился к нам, но экономка Ада оказалась быстрее. Низенькая, полная, сгорбленная, она двигалась на удивление шустро и уверенно, её морщинистое лицо оставалось невозмутимым.

— Не стойте как надгробие, господин Шардан, — громко скрипнула она. — Тащите их в гостиную, к камину. И раздавайте всех побыстрее, пока они не умерли от холода. Ох уж эта магия... Я принесу горячие полотенца.

Я с огромным трудом села, мотая головой. В ушах звенело, кожу на лице жгло огнём, кисти рук же, напротив, совершенно не чувствовались.

Словно призрак, в дверях библиотеки возник хозяин замка. Лорд ди Моро стоял недвижимо, его цепкий взгляд был устремлён на нас. Помощи от бесовой твари явно ожидать не стоило: он разглядывал нас с неизменной вежливой улыбкой, с холодным, отстранённым любопытством учёного, внимательно наблюдающего за увлекательным экспериментом. Странно, но я сейчас его прекрасно понимала: мы явились незваными гостями, испортили ему посмертие, развороши-

ли старое кладбище, вызвали Тёмного Короля и поставили под угрозу само существование хозяина Чёрного Замка. С чего бы ему нам помогать? Он ведь уже и не человек вовсе, да и было ли в нём что-то человеческое при жизни?

— Кажется, ритуал прошёл не совсем так, как планировалось, — скрестил руки на груди лич. — Интересно.

Но его все проигнорировали. Пусть себе скрипит, лишь бы не мешал. Не до него сейчас.

Тьен, самый выносливый из всех нас (оборотневая кровь и тут оказала ему добрую услугу), осторожно спустил с плеча бесчувственного Эдвина прямо на каменный пол и тут же принялся громко командовать:

— Кимак, займись Лиамом! Огюст, помоги Морроузу! Леди Оливия, лучше не двигайтесь! Сейчас мы избавим вас от этого ледяного доспеха!

Всем нам сейчас нужен был человек, который возьмёт ответственность на себя. Страшная усталость затмевала разум. Голос Оберлинга вывел нас из морозного оцепенения. Побледневший Огюст бросился к Морроузу, подхватывая его с левого бока. У него не хватало сил, чтобы поднять длинного некроманта, облачённого в несколько толстых слоёв льда, и Тьен аккуратно поддержал Эдвина справа. Вдвоём мужчины поволокли беднягу Морроуза в гостиную к камину. Я же осталась сидеть на полу, дрожа от холода и не в силах пошевелиться. Хотела снять хотя бы плащ, но пальцы совершенно не слушались.

Но уже через пару минут ко мне подскочил Огюст, и его ловкие пальцы быстро одолели коварные застёжки.

— Держись, Лив, — бормотал он, с трудом отрывая примерзшую ткань. — Сейчас, сейчас всё будет... Крысья утроба, да это же настоящий ледяной сейф!

Его взволнованное лицо оказалось слишком близко, кудри касались горящей огнём щеки, и я невольно отвернулась, не желая такой интимности. Сейчас меня интересовал совсем другой мужчина. *Дышит? Жив?*

Раиль Кимак, бледный и пошатывающийся от слабости, уже склонился над Лиамом. *Ох уж эти целители! Что Белль, что доктор Ли всегда забывали о себе, если рядом был кто-то, кто нуждался в неотложной помощи! И этот, как видно, из той же породы! Настоящий, хоть иногда и притворяется циничным эгоистом. Как много раз я наблюдала подобную одержимость! Яхо, помнится, говорил, что в Белль будто встроен некий механизм, заведённый на врачевание... И пока завод не кончится, она не остановится.*

Тонкие ухоженные пальцы королевского лекаря легко порхали по коже Лиамы, оценивая повреждения. Чёрные брови хмурились, и без того узкие глаза превратились в щели.

Целители... какие они странные и интересные. Все без исключения!

Огюст, наконец-то сорвав с меня ледяной плащ, принялся растирать мои окоченевшие руки грубой шерстяной тряп-

кой. Я вскрикнула. Да, знаю: больно, но жизненно необходимо.

— Держись, детка, твои ручки нам ещё точно понадобятся! — громко вздохнул франкиец. И был прав...

Горячая ванна, приготовленная Адой, окончательно вернула меня к жизни. Жаль, что я не могла себе позволить расслабиться в ней на несколько часов. Быстро натянув незнакомые мне мужские штаны и рубашку, наспех застегнув пуговицы широкого мехового жилета, я быстро спустилась в гостиную. Столкнулась на лестнице с экономкой (в точно такой же меховой штуче), забрала у неё из рук высокую стопку старых простыней и кувшин относительно тёплой воды.

От картины, представшей передо мной в малой гостиной, снова сжалось сердце.

Лиам лежал на низком овальном столе, покрытом вышитым покрывалом. На нём уже не было верхней одежды, а растёгнутая рубашка обнажала бледную грудь. В лицо смотреть было страшно. Из-под плотно сомкнутых ресниц сочилась сукровица, смешанная с чем-то тёмным, почти чёрным. На левом плече виднелась рана — неглубокая, но необычная. Её края не покраснели и не воспалились. Они выглядели... стеклянными, как будто кожа вокруг превратилась в хрупкий чёрный лёд.

— Магия смерти и магия жизни конфликтуют. Исцеление происходит куда медленнее, чем обычно, — Голос у Кимака

был твёрдый, равнодушный, без всяких эмоций. Он словно читал лекцию невидимым студентам. Пальцы лекаря словно парили над раной, не касаясь её. — Организм пытается бороться, но чужая энергия блокирует естественные процессы. Сначала глаза. Это критичнее.

Между тем в комнате, кроме двух целителей, не было никого живого. Только мёртвый. Хозяин дома, лич ди Моро, тихо стоял возле ярко пылающего камина. Очевидно, для него и предназначалась эта жестокая лекция. А может, Кимак разговаривал сам с собой...

За спиной я ощутила чьё-то присутствие, но не смогла даже пошевелиться. Мне снова стало очень-очень холодно.

Целитель обошёл стол, приблизился к голове Лиама и аккуратно положил руки на его лицо, полностью закрыв глаза.

— Тьен, держи его, — бросил Кимак, обращаясь к стоящему за моей спиной. — Будет больно.

Тьен быстро и молча обогнал меня, метнулся к столу и с силой прижал плечи Лиама к его поверхности. Бросив свои вещи на банкетку, стоявшую рядом, и оставив кувшин на полу, я поспешила за ним. Схватив Лиама за холодную неподвижную руку, я вцепилась в неё, словно это могло удержать его в этом мире. Я краем глаза увидела, как появившийся из ниоткуда Огюст, крепко ухватившись за ноги Лиама, отвёл взгляд. Даже лич ди Моро сделал шаг вперёд и замер в нескольких метрах от нас. Впрочем, на его лице было выражение острого, почти болезненного любопытства. Он пожи-

рал глазами происходящее с детским восторгом. Ах да, ему ведь столько лет было смертельно скучно!

Кимак начал шептать. Его речь звучала необычно, с гортанными и шипящими звуками, напоминающими щелчки. Воздух вокруг его рук задрожал и наполнился золотистым светом. Лиам вздрогнул всем телом, словно от удара. Из-под ладоней Кимака повалил лёгкий дымок, пахнувший палёной кожей и... порохом. Раненый издал протяжный стон — глухой, звериный. Его спина неестественно изогнулась, но железная хватка мужчин удержала на месте, не позволяя упасть со стола.

Я крепко держала кисть Лиамы и внимательно наблюдала за тем, как по бледному лицу Кимака струился пот, а губы дрожат от напряжения. Он бормотал что-то сквозь зубы, его собственное дыхание сбилось, стало прерывистым, хриплым. Он не лечил, а сражался. Выжигал и выскребал что-то чуждое, враждебное из Лиама. *Изо всех сил я мысленно желала ему победы. Если бы только могла — отдала бы всю свою магию!*

Наконец целитель отнял руки и пошатнулся, хватаясь дрожащими пальцами за край стола. Его лицо выглядело измождённым, постаревшим, а тёмные узкие глаза прикрылись от усталости. Огюст вовремя подскочил и подхватил его за плечи.

— Теперь... твоя очередь, леди Оливия, — произнёс Кимак, обращаясь ко мне. В его голосе впервые прозвучала

просьба, а не насмешка. — Вода. В твоих руках... Медленно и осторожно умой его. Закрепим результат.

С трудом отпустив безжизненную руку, я медленно поднялась. Лекарь был прав. Вода в руках даже самого слабого мага способна значительно усилить эффективность любого исцеляющего ритуала. Мне подобное рассказывали ещё в детстве, и я не раз убеждалась: это не сказки. Чуть потеплевшими пальцами я смочила край простыни и начала удалять чёрную слизь с век Лиамы. Кожа под ней была покрасневшей и воспалённой, но уже оживала. Словно повинувшись моим прикосновениям, мой возлюбленный медленно открыл глаза. Взгляд его был пустым, мутным, невидящим. Он смотрел сквозь меня, сквозь потолок, в никуда.

— Лиам? — тихо позвала я.

Он медленно повернул голову на звук и слепо моргнул.

— Магический ожог роговицы, — голос Кимака вновь приобрёл привычную сухость. Он сидел в углу, в кресле, откинувшись на широкую спинку. Огюст держал у его губ кружку с чем-то крепко пахнущим. Руки лекаря лежали на коленях и мелко тряслись. — Временная полная слепота. Зрение вернётся. Вероятно. Я так полагаю. Думаю... уже завтра мы узнаем, насколько я хороший целитель*. А пока ему нужен покой. И... терпение.

Он сделал паузу, глядя на Лиаму со странным выражением — смесью усталости и профессионального любопытства.

— Пришлось выжигать остаточную магию. И, кстати, мо-

жешь выбросить свои очки. Они тебе больше не понадобятся. Твоё слабое зрение, коллега — не только старая травма, но и явное последствие постоянного истощения. Моя сила сожгла и её. — Раиль слабо усмехнулся. — Поздравляю. Отныне будешь видеть мир как орёл. Но пока ты слеп как крот. Будем надеяться, что ненадолго.

Лиам молча кивнул. Его лицо было непроницаемо спокойным, но я видела, как его челюсти сжаты, а костяшки пальцев побелели от напряжения. Он молча принимал всё услышанное, как принимал всё в своей жизни, — без жалоб, без единого звука протеста. Но я-то заметила и другое. Как в ослепших глазах мелькнула тень страха. Страх перед той бездной, в которую он погрузился. Перед возможной беспомощностью.

Неожиданно со стороны камина раздались медленные сухие хлопки. Это лорд ди Моро одобрительно аплодировал.

— Виртуозно, господин Кимак, — проскрипел он. — Настоящее искусство. Жаль, я не могу больше аплодировать от души. Кости, знаете ли, отваливаются. — Он развернулся и побрёл прочь вглубь замка, оставив нас наедине с нашей болью и нашим страхом.

Примечание авторов: Раиль искренне считает себя вторым по силе и опыту целителем четырёх королевств (Галлии, Франкии, Славии и Катая). Но мечтает стать первым. Пока же он не смог превзойти славы своего отца. Впрочем...

после сегодняшней ночи — кто знает!

Глава 6. Тяжёлая ночь

Тишина за его дверью была иной, чем в остальных покоях замка. Густая, наполненная болью и страхом. Пугающая.

Прислонившись лбом к гладкой поверхности прохладного дерева, я слышала всё: учащённое, хриплое, слишком громкое дыхание за стеной, едва уловимый скрип половицы в коридоре, завывания ветра в печной трубе — кажется, сам замок стонал, разделяя мою тревогу.

Я точно знала, что Лиам не спит. Его дыхание — не размеренный ритм спящего, а сдержанные вздохи человека, который пытается справиться со страхом. Моё собственное сердце отозвалось частым тревожным стуком. Я крепко сжала в руках большую глиняную кружку. От неё поднимался густой горьковатый пар. Ладони ощущали приятное тепло. *Единственный стабильный элемент в мире, полном непредсказуемости.*

Дверь не была заперта изнутри. Это не было жестом капитуляции или признанием слабости. Лиам до конца будет стремиться сохранить видимость самостоятельности, даже если вокруг царит крошечная тьма. Здесь меня ждали. Молча и терпеливо. Это чувство было невысказанным, но оттого ещё более искренним.

Я аккуратно надавила на железную скобу. С едва слышным скрипом дверь поддалась и приоткрылась внутрь. Ком-

ната была погружена в темноту. Единственным источником света служил огонь в камине, который отбрасывал мерцающие оранжевые отблески на каменный пол и выхватывал из мрака очертания массивной кровати. На ней смутно виднелась мужская фигура.

Лиам лежал на спине, укрытый до подбородка грубым шерстяным одеялом. Его лицо на подушке казалось высеченным из светлого мрамора, застывшее и бесстрастное.

Воровское ремесло научило меня распознавать ложь и скрытые эмоции, спрятанные в человеческих лицах. Я сразу заметила обман. Напряжение в сжатых веках и едва уловимая дрожь в уголках губ выдавали его. Доктор изо всех сил притворялся спящим, возможно, даже сам себя обманывая, пытаясь убежать от реальности, где был слеп и беспомощен.

— Лиам? — нарушила я звенящую тишину. — Я принесла отвар. Кимак сказал, он поможет с болью и даст нормально поспать.

Доктор вздрогнул и повернул голову на звук. Движение получилось резким, лишённым его обычной плавной уверенности. Веки не дрогнули.

— Оливия, — его голос звучал хрипло, неузнаваемо. Он попытался улыбнуться, едва заметно приподняв уголки твёрдых губ. Улыбка вышла кривой и болезненной. — Как раз думал о том, что ты можешь ходить теперь и без белья. Я всё равно этого не увижу.

Шутка оказалась нелепой и совсем не в его духе. Однако,

уловив затаённую боль, я предпочла промолчать. Пересекла комнату, бесшумно ступая по холодному каменному полу — годы тренировок давали о себе знать даже сейчас.

Поставила кружку на тумбочку.

Как его поить? Эта практичная мысль мелькнула в голове. Лёжа, он захлебнётся.

— Тебе нужно приподняться, — мягко, но прямо сказала я. — Помоги мне.

Он кивнул, стиснув зубы, и оперся локтями о матрас. *Сейчас я добрым словом вспомнила те беззаботные дни, когда помогала Изабелле в её работе, и порадовалась, что все движения были привычны и даже успокаивали.* Осторожно скользнуть рукой под его спину (ощувив, как напряжены мышцы), положить ладонь между лопаток, помочь пациенту приподняться в полусидячее положение и быстро подсунуть под спину ещё одну подушку.

Поднесла кружку к его губам. Лиам сделал несколько мелких поспешных глотков, поморщился от горечи, но послушно допил всё до дна. Я аккуратно промокнула ему подбородок краем полотенца, которое висело на спинке стула рядом, и помогла ему снова лечь.

— Спасибо... — он тяжело выдохнул и устало опустил голову на подушку. Напряжённое лицо исказилось от боли, которая, казалось, только усилилась, делая его черты ещё более выразительными.

Осторожно поставила пустую кружку на тумбочку. Звук

соприкосновения глины с деревом прозвучал особенно громко в звенящей тишине. Я присела на край кровати, напроочь игнорируя жалобный скрип пружин. Коснулась ледяной мужской руки, лежавшей поверх одеяла, сжала её пальцами, всё ещё хранившими жар от горячей кружки. Лиам снова вздрогнул и застыл, сжимая губы.

Лекарство выпито, мне нужно было уйти, чтобы дать ему отдохнуть. Но ноги не слушались, я не могла заставить себя подняться с края кровати. *Слишком жестоко оставлять его в этой пустой унылой тишине!*

Не сегодня. Вообще никогда.

Его рука всё ещё была в моей. Сильные пальцы постепенно теплели, но крепко держали мою ладонь.словно утопающий хватается за соломинку. Этот неосознанный жест ранил меня сильнее любых слов.

«Скажи что-нибудь», — приказала я себе. Что угодно. Такую же глупую шутку. Или дежурное «выздоровливай». Но слова не шли, застревая в горле. Вместо них накатывала волна острого и беспросветного отчаяния.

Я глубоко вздохнула, ощущая, как дрожат мои пальцы. Вместо того чтобы встать и уйти, я мягко накрыла наши руки своей ладонью. Этот жест был не просто прикосновением. Попытка выразить поддержку, защиту и... удержать.

Доктор судорожно выдохнул. Его веки дрогнули, но так и не открылись.

— Лиам? — снова прошептала я, и на этот раз мой голос

прозвучал хрипло, сдавленно.

— Я здесь, — ответил он почти мгновенно, и его пальцы слегка сжали мои.

Молчание вновь повисло между нами, но на этот раз оно было иным, — напряжённым и полным ожидания. Он чувствовал, что я хочу что-то сказать, что-то важное и сложное для меня. И... боялся? *Наивный*. Я не могла отвести взгляд от его лица, от этих черт, которые стали для меня дороже любых сокровищ, дороже самого воздуха. Слова выплеснулись из груди сами собой, робко пробиваясь сквозь толщу многолетнего недоверия.

— Ты знаешь... — произнесла я тихо, чувствуя, как лицо заливают румянец. — Сегодня, там, на кладбище... когда ты упал... я вдруг подумала... — Голос подвёл меня, и я сглотнула комок, заставляя себя продолжить и не отворачиваться, хотя он и не мог видеть моего смущения. — Я подумала, что это конец. Что потеряю тебя. В этот момент вся моя тщательно оберегаемая свобода... Она показалась мне невероятно нелепой. Жалкой и совершенно ненужной.

Я замолчала, давая ему время переварить мою исповедь и позволяя себе перевести дух. Наши руки всё ещё соприкасались, и я ощущала, как под моей ладонью участился пульс на его запястье.

Доктор молчал. Он слушал меня, погружённый в свои мысли, и его молчание было для меня самым большим проявлением доверия.

— Правда в том, — продолжала я, и мой голос обрёл новую, незнакомую мне твёрдость, — что всё это не стоит ровным счётом ничего. По-настоящему я свободна ровно до тех пор, пока рядом есть ты. Пока я знаю, что могу повернуть голову и встретиться с тобой взглядом... Без этого всё остальное — просто пыль.

Его пальцы шевельнулись, перевернулись и сомкнулись вокруг моей ладони. Кожа на подушечках была грубой, шершавой от работы. Совсем другая рука. Не нежная, не гладкая. Твёрдые пальцы человека, привыкшего к настоящему труду. Надёжные, крепкие. А сейчас они переплелись с моими и сжались — в отчаянной потребности схватиться за что-то осязаемое.

— Оливия... — тяжело сглотнув, он замолчал. Голос Лиамы, обычно уверенный, теперь звучал почти шёпотом. — Ты должна знать: Раиль — великолепный доктор. Очень опытный и талантливый. Но он не всемогущ. И он лечил не обычного человека, а другого мага, обладающего целительными способностями. Магия¹... в таком случае она может давать непредсказуемые результаты. — Он сделал паузу, пытаясь собраться с мыслями. — Даже он не может гарантировать, что зрение восстановится. Или... что это не повторится. Возможно, я ослепну. Навсегда.

Слова повисли в воздухе, холодные и тяжёлые. Лиам не просил о сочувствии. Он просто сообщил мне сей непреложный факт. Как врач своему ассистенту. Или как человеку,

который имеет право знать, на что он подписывается.

На меня вдруг снизошло странное спокойствие. *Происшедшее здесь и сейчас не было выбором между свободой и заключением. Выбор стоял между одиночеством и... этим. Между бессмысленным существованием только для себя и жизнью для чего-то большего. Это никак не было жертвой. Честный и равноценный обмен. Я отказалась от призрачной, больше не нужной мне «свободы» и получала вполне осязаемый смысл.*

— Я слышу тебя, — произнесла тихо. — И всё понимаю. Но услышь и ты меня. Доктор Лиам Соверьен — один из лучших целителей Галлии. Он не просто маг — он настоящий врач. Ты чувствуешь скальпель кончиками пальцев лучше, чем иные видят глазами. Твои знания, твой ум, твои руки — они никуда не делись. — Я наклонилась ближе. — Если тебе нужны будут глаза, чтобы дойти до палаты, чтобы прочитать рецепт, чтобы отличить сульфат меди от сульфата цинка в аптеке... то эти глаза у тебя уже есть. Они сейчас здесь. Я рядом, Лиам. И никуда уже больше не денусь.

Лиам замер. Его слепые глаза распахнулись. Пальцы крепко сжали мою руку, причиняя боль, но я не отстранилась. В этом рукопожатии отразилась вся палитра эмоций: отчаянная надежда, страх, неверие и глубокая благодарность.

— Ты... — он попытался что-то сказать, но голос окончательно сорвался.

— Помолчи теперь, доктор. Кимак прописал тебе сон и

покой.

Лиам улыбнулся и отпустил мою руку. Я не произнесла больше ни слова. Сняла ботинки, не раздеваясь и не спросив разрешения, забралась под грубое одеяло. Прижалась к нему животом, чувствуя сквозь тонкую ткань его рубашки напряжённые мышцы. Я просто легла и положила ладонь ему на бок, ловя пальцами ритм его дыхания, тёплое биение жизни.

«Вот и всё, — пронеслось у меня в голове с кристальной ясностью. — Решение принято». Точка невозврата пройдена. Я больше не воровка Оливия, бродящая в одиночку по Льену². Я — та, кто будет с ним. Что бы ни случилось.

Он долго не мог уснуть, его дыхание сбивалось, но постепенно окаменевшие мышцы начали расслабляться. Тёмная бездна отчаяния отступала под натиском простого человеческого тепла, от присутствия другого живого существа рядом. Его дыхание становилось глубже и ровнее. Доктор уснул.

Я лежала с открытыми глазами, прислушиваясь к его дыханию. Этот звук стал для меня самым значимым в мире. Внезапно, где-то глубоко в замке, под нами, раздался грохот, который скорее ощущался в костях, чем был слышен ушами. Затем послышались медленные, шаркающие шаги. Хозяин замка не спал, он бодрствовал и ждал.

Но сейчас меня это не пугало. *Пусть весь мир подождёт.*

¹ **Магия**— в контексте данного мира система сверхъестественных способностей, способная влиять на физическое со-

стояние, в том числе на здоровье, и дающая непредсказуемые результаты при столкновении со способностями другого мага.

² **Льен**— топоним, название столицы Галлии. Город, где родилась и где ранее действовала главная героиня, Оливия.

Глава 7. Узники замка Нефф

В замок Нефф, окружённый серыми облаками, низко нависшими над массивными зубчатыми стенами, утро пришло тихо и незаметно. После ночной бури остался лишь плотный мокрый туман. Он окутал Пригорье, словно молочно-белый саван, скрыв от глаз и долину, и окрестности замка.

В древних стенах царила неестественная звенящая тишина, которую лишь изредка нарушали равномерное падение капель воды с карнизов или отдалённые шаги незримой прислуги.

Изабелла Кимак проснулась непривычно поздно. Кровь Степи, обычно будившая её на восходе солнца, наконец уступила место накопившейся за последние недели усталости, в которой целительница боялась признаться даже самой себе. А ещё — она чувствовала себя ужасно одинокой. Сначала у неё забрали Оливию, а теперь ещё и Яхор пропал неизвестно куда. Она бы не волновалась за мужа, но с ним Тьен, который вечно лезет в неприятности. Слава богине, Яхо совсем другой. И всё равно тревожно.

Постель, отсыревшая за ночь, не желала её отпускать. Кутаясь в одеяло, Изабелла настороженно вслушивалась в сонную тишину. Где привычные крики уличных торговцев, визги клаксонов, стук колёс по мостовой? Где звуки гула большого города? Вокруг царило безмолвие, которое казалось

дочери степи почти зловещим. Недаром её бабушка была оракулом, да и отец обладал острой интуицией. Белль вслушивалась не столько в замок Нефф, сколько в себя саму, и убеждалась: что-то грядет.

Маленький Стефан сопел у неё под боком. Он всегда любил поспать. Ничего удивительного. Осторожно отодвинулась, нащупала домашние туфли под кроватью, поправила одеяло. Подошла к окну. Плотный туман опустился на серые стены, словно саван. Впечатлительной степнячке казалось, будто замок парит в бескрайнем молочном океане, отрезанный от внешнего мира. Вдоль позвоночника скользнул холодок. А что если их намеренно заманили в ловушку?

«Где ты сейчас, Яхо? — мелькнула тревожная мысль. — Всё ли с тобой в порядке?» Ладонь сама собою легла на едва заметный, ещё не округлившийся живот. Новая жизнь, тайна, которую она тщательно скрывала даже от мужа. Если бы он знал, — то не оставил бы её одну. И она промолчала. В этом мире, полном неопределённости, рождение ребёнка было одновременно благословением и испытанием.

Унылые размышления прервал тихий, но настойчивый стук в деревянную дверь. Стучащий явно уважал её личное пространство, но при этом настойчиво ждал. Изабелла оторвалась от окна, накинула шёлковый халат на плечи и бесшумно скользнула по потёртому ковру к двери. Осторожно повернула тяжёлую бронзовую ручку, опасаясь разбудить крепко спящего сына. Дверь открылась совершенно беззвуч-

но. Замок заботился о Белль, она всегда это знала. Замок любил всех потомков Милославы*.

На пороге, в слабом свете коридорных светильников, стояла Жозефина Браенг. Её строгий опрятный наряд и хмурая складочка между бровей красноречиво свидетельствовали о том, что хозяйка замка встала много часов назад. В руках она держала небольшой серебряный поднос с чашкой дымящегося травяного чая.

— Доброе утро, Изабелла. Не разбудила? — голос леди Браенг был ровным, но в уголках глаз таилась усталая тень, которую не скрывала даже быстрая вежливая улыбка. — Подумала, что вы, возможно, захотите присоединиться к завтраку. Стефан ещё спит? Старшие дети уже накормлены и под присмотром нянь в зимнем саду.

— Жози, доброе утро. Вы очень любезны, — Изабелла шагнула назад, приглашая войти и подхватывая чашку с подноса. Тёплое прикосновение фарфора к ладоням оказалось невероятно утешительным. — Я как раз не могла толком заставить себя проснуться. Спасибо.

Чай был идеальной температуры и крепости. Согревал, но не обжигал. Лёгкая горечь бодрила. Белль сделала небольшой глоток и блаженно прищурилась. Поднос негромко звякнул — и внимательная степнячка тут же заметила, что у Жозефины подрагивают руки. Она казалась спокойной лишь на первый взгляд. Спина и плечи у Жози были напряжены.

— А что другие дамы? — мягко спросила Белла, отводя

взгляд к окну, чтобы не смущать хозяйку.

Жозефина тихо вздохнула, поправив идеальную складку на своём платье.

— Мелисса уже звонила. Потребовала кофе и тосты с мармеладом в постель. А Софи... — На её губах мелькнула почти невидимая улыбка. — Я нашла её в библиотеке на рас свете. Она уже погрузилась в летописи Браенгов с таким видом, будто собирается разгадать все тайны королевства ещё до полудня.

Изабелла кивнула, живо представляя себе эту картину. Они такие разные — капризная Мелисса, укутанная в шёлк, и неутомимая Софи, сгорбившаяся над пожелтевшими фолиантами при свете зелёной лампы. Две стороны одной медали — пассивный протест и активное, но бесполезное в данных условиях сопротивление.

После ухода Жозефины Изабелла медленно оделась. Каждое её действие — умывание прохладной водой из фаянсового кувшина, расчёсывание волос, выбор простого шерстяного платья — было обдуманной попыткой вернуть себе хотя бы иллюзию контроля над происходящим. Стефан всё ещё спал, оставлять его одного в чужой спальне не хотелось. Нужно попросить Жозефину прислать к нему няню. К счастью, в большом замке хватало прислуги. У самой Жозефины были близнецы, двое неугомонных мальчишек. Ирония судьбы, не иначе. Ведь в этом замке выросли Тьен и Макс, близнецы Оберлинги. А теперь по широким лестницам бегают два ма-

леньких Браенга. Вероятно, замок счастлив.

Бель задержала ладонь на прохладной полированной дрезине дубового поручня. Теперь она ощутила дыхание жизни. Откуда-то снизу доносился залиvistый смех детей. Из кухни повеяло ароматом свежего хлеба и копчёной грудинки. Где-то хлопнула дверь, раздались голоса служанок. Изабелле немного полегчало. Туман, так её встревоживший, не имел внутри замка никакой власти.

Софи нашлась в столовой, за длинным дубовым столом. Она внимательно изучала какую-то старую книгу, склонившись над ветхими страницами так низко, что медная прядь её волос почти касалась пергамента. Перед ней стояла нетронутая тарелка с фруктами и чашка чая, которая уже наверняка успела остыть.

Изабелла подошла к ней почти бесшумно, но Софи вздрогнула и резко подняла голову, словно пойманная на месте преступления. Зелёные глаза журналистки сияли лихорадочным блеском.

— Доброе утро. Нашла что-то интересное? — спросила Изабелла, наливая себе чай из массивного, украшенного гравировкой чайника. Звон льющейся жидкости прозвучал оглушительно громко в тишине пустой столовой.

Софи резко откинулась на спинку стула и устало потеряла лицо.

— Всё и ничего, Белла. История этого места... она будто намеренно запутана. Я словно собираю мозаику без образца.

Столько браков, союзов, предательств... Браенги, Оберлинги, Галлинги... Натуральные пауки в банке! У меня странное ощущение, что нынешние события — это лишь очередной виток старой истории.

— Твой Тьен считает, что корню проблемы сотни лет, — тихо заметила Изабелла. — Он говорил, что тень от прошлого стала слишком длинной.

— Тьен много чего считает, — раздражённо буркнула Софи, захлопнув книгу. — Но почему-то именно мы, женщины, оказываемся запертыми в старых замках, пока они разбираются с последствиями. Я должна быть в Льене! Я должна писать, рассказывать людям правду, а не прятаться здесь, как перепуганная мышка!

В её голосе звучала не просто горечь, а ярость беспомощности. Для Софи невозможность работать, быть в центре событий, была настоящей пыткой. Изабелла протянула руку через стол, коснувшись её пальцев, но Софи резко отдернула кисть.

Их уединение было нарушено неспешным, почти театральным появлением. В дверях картинно замерла Мелисса, опираясь на локоть служанки. Роскошный шёлковый пеньюар цвета утренней зари туго обтягивал выдающийся живот и казался вызывающе нелепым в этой суровой обстановке. Изабелла с тоской подумала, что Мелисса, скорее всего, родит несколько раньше срока. А ещё — после долгой поездки у жены Макса явно разболелась спина, но она ни за что не

признается. Взгляд Мелиссы медленно скользнул по домашнему платью Изабеллы и практичному костюму Софи, губы недовольно поджались.

— Какое унылое утро, — прошептала она, позволяя служанке усадить себя в кресло во главе стола. Тонкие пальцы с ровными, отполированными до блеска ногтями легли на скатерть, будто проверяя чистоту. — И этот туман... он просто давит на виски! Максимилиан мог бы найти место и поприветливее для нашего затворничества.

— Это не курорт, Мелисса, — холодно заметила Софи, не глядя на невестку. — Это укрытие. Или тебе забыли сообщить, почему мы здесь оказались?

**Примечания авторов: замок Нефф был построен в те смутные времена, когда магов не ограничивали никакие законы. Никто уже не знает, какие заклинания были использованы при возведении неприступных стен. Ясно одно: если замок Нефф чувствовал хотя бы несколько капель крови Браенгов, он безоговорочно открывал для потомков своих создателей все двери. Леди Милослава Оберлинг, бабушка Беллы, считала, что замок — живой и обладает собственным разумом.*

¹ *Клаксон — устаревшее название звукового сигнального устройства на транспортных средствах.*

² *Пеньюар — утренний женский домашний халат, обычно из лёгкой ткани.*

³ *Фолиант* — книга большого формата, часто старинная.

Глава 8. Призраки прошлого

Мелисса вспыхнула. Алый румянец залил её бледные щёки.

— Мне донесли всё, что считали нужным! Но я жду ребёнка! Разве это не даёт мне права на элементарный комфорт? На покой, а не на жизнь в каменном мешке, полном призраков прошлого!

— Призраки прошлого — это как раз то, что может явиться к нам в гости с весьма дурными намерениями, — мягко, но твёрдо напомнила Изабелла. — А комфорт, который создала здесь Жозефина, достоин восхищения. Вспомни, в каких условиях выживают люди в Старом Квартале.

— Я не житель трущоб! — язвительно парировала Мелисса. — И не собираюсь им становиться. Почему я должна мириться с неудобствами из-за каких-то политических авантур моего мужа и его брата? Макс ведь знает, как я ненавижу старые замки!

Софи резко встала, отодвинув стул с оглушительным скрежетом.

— Это не авантюры! Это заговор против короны! Покушения! Мертвецы, шатающиеся по улицам! Твой муж, если ты забыла, сидит в тюрьме по сфабрикованному обвинению, а ты нбёшь о недостатке уюта!

Воздух в комнате сгустился и стал тяжёлым. Мелисса от-

шатнулась, будто от пощёчины. Её губы задрожали, и она отвернулась, уставившись в запотевшее окно. Внезапная тишина была красноречивее любых криков. Изабелла увидела, как по щеке Мелиссы скатилась единственная слеза — быстрая, яростная, тут же смахнутая изящным движением пальцев.

В этот момент в столовую ворвался вихрь в лице Николаса. Он был запыхавшимся, с растрёпанными волосами и глазами, сияющими, как два уголька.

— Вы не поверите! Милорд Браенг... он пустил меня в лабораторию! Ну, не во все отделы, но... Там такие машины! Шестерёнки, рычаги, пар идёт! Он сказал, что если я буду вести себя прилично, то он покажет мне паровой усилитель!

Детский восторг был настолько искренним и заразительным, что напряжение в комнате мгновенно спало. Софи выдохнула, расправив плечи, и беспомощно улыбнулась. Изабелла поймала её взгляд и увидела в нём то же облегчение.

— Это замечательно, Ник, — сказала Изабелла. — Но сначала... может, всё же завтрак?

— Я уже ел! С близнецами Браенгами! Они показали мне потайной ход! Говорят, он ведёт из замка прямо в лес! Использовали его во время осады!

Слова мальчика повисли в воздухе. «Потайной ход». «Осада». Детская непосредственность обнажила суровую подоплёку их пребывания здесь лучше любых взрослых разговоров. Завтрак завершился в тягостном молчании. Каждая

из женщин ушла в свои мысли, а скрежет отодвигаемых стульев звучал мрачно и пугающе.

После завтрака, который прошёл в натянутой тишине, Изабелла отправилась на поиски Жозефины. Леди Браент нашлась в небольшом кабинете, смежном с зимним садом. Это замечательное место все еще хранило дух прежней хозяйки, Милославы Оберлинг. Именно она с любовью и заботой создала здесь уют: выращивала редкие растения, расставляла большие горшки, заказывала специальные стёкла в высокие стрельчатые окна. Она выбирала цвет деревянной обшивки и проектировала книжные полки. Она постелила на пол толстый шерстяной ковёр, созданный мастерицами Степи. На стене, разумеется, висел её портрет — вместе с портретами Огненного Генерала и двух королей, отца и сына. Изабелла прекрасно помнила свою бабушку: её сухую, чуть сутулую фигуру, тяжёлую белую косу, внимательный взгляд светлых глаз. И голос — всегда спокойный, чуть насмешливый, такой... умиротворяющий.

Теперь в кабинете, залитом мягким светом, за большим письменным столом сидит новая хозяйка замка. Как ни странно, она очень похожа на предыдущую. Такая же тонкая и спокойная. Изящные руки медленно перебирают кипу счетов и писем, но в глазах — пустота. Мысли Жозефины где-то далеко. Она не замечает ни шороха бумаги, ни громкого тиканья часов. Взгляд её устремлён в одну точку, словно она видит нечто важное за пределами этого мира.

Изабелла смущённо остановилась на пороге кабинета, не решаясь нарушить это уединение. Она помнила непростую историю Жозефины и прекрасно понимала, почему леди Браенг — молодая и очень красивая — всем прелестям столицы предпочитает затворничество в старом замке. Молва утверждала, что это каприз Джеральда Браенга, а может, даже тайный приказ короля (всем известно, что после падения с аэростата сын покойного канцлера немножко свихнулся), но ближний круг знал — именно ради супруги Джеральд уехал в замок Нефф.

— Жози? — наконец решилась сделать шаг вперёд Изабелла. — Я не помешаю?

Та вздрогнула, и на её лице, как по мановению волшебной палочки, появилась привычная маска радушной хозяйки.

— Изабелла? Конечно, нет. Проходи. Что-то случилось?

— Нет, всё спокойно. Просто хотела поблагодарить ещё раз за гостеприимство. И... спросить. Как ты выдерживаешь? Незваные гости, куча шумных детей, эта неизвестность...

Улыбка на лице Жозефины стала немного печальной. Она отложила стальное перо и откинулась на спинку стула.

— Признаться, нелегко. Я не привыкла к такому количеству людей в доме. И к такому... напряжению. Но у меня есть обязанности. Замок, хозяйство, муж... — она кивнула в сторону окна, за которым угадывались очертания высокой башни. — Он там, днями и ночами. Готовится к худшему.

Моя задача — обеспечить ему тыл. А вам — безопасность. Насколько это возможно.

— Он действительно готовится к осаде? — прямо спросила Изабелла.

Жозефина помолчала, собираясь с мыслями.

— Джеральд — инженер. Он мыслит категориями причин и следствий, рисков и мер защиты. Он получил тревожные письма от вашего мужа, Изабелла. Яхор — человек трезво-мыслящий, не склонный к панике. Если он пишет о мертвецах на улицах Льена и просит быть настороже... значит, на то есть веские причины. А братья Оберлинги... они не стали бы отправлять сюда свои семьи, если бы угроза была надуманной.

Изабелла почувствовала, как холодок страха пробежал по её спине. Слова Жозефины лишь подтверждали её худшие опасения.

— Что мы можем сделать?

— Пока? — Жозефина вздохнула. — Ждать. Быть терпеливыми. И стараться не сходить с ума от бездействия. Может, займётесь с дамами рукоделием? Или прогулками по внутреннему двору? Туман, я думаю, скоро рассеется...

Но туман не рассеивался. Он висел над замком весь день, создавая гнетущую, удушливую атмосферу. После обеда к группе женщин присоединился Джеральд Браенг. Он заглянул в гостиную ненадолго, в рабочей одежде, пропахшей машинным маслом, с усталым, но весёлым лицом. Разве-

ял царившее напряжение немудрёными шутками, пообещал устроить для ребятешек экскурсию в свою лабораторию, посоветовал на капризы природы. Изабелле нравилось наблюдать за людьми и угадывать их истинное настроение. Она прекрасно видела, как напряжены все взрослые обитатели замка. И даже за хитрыми жёлтыми глазами добродушного лорда Джеральда скрывалась тревожная усталость.

Удивительно, какие же разные побеги всегда вырастают на старом древе этого беспокойного рода!

Высокий, худой, с длинным носом и взъерошенными волосами песочного цвета, Джерри был внешне очень похож на своего отца, легендарного и ужасного Кирьяна Браенга, имя которого даже порядочные люди произносили с опаской. Но в нём никогда не было той пугающей ауры властности, которая сопровождала его отца, да и в одежде Джеральд проявлял преступное небрежение.

Вы подумайте, машинное масло! Грязные щёки! Чёрные ногти! Его отец, должно быть, вертится в гробу, как пропеллер. А может, и нет. Кирьян был строг к себе, а вот к чужим недостаткам всегда снисходителен.

В одном лишь отец и сын были похожи — в страстной любви к техномагии¹.

— Дамы, надеюсь, вы не скучаете? — взгляд Джеральда быстро скользнул по лицам, оценивая настроение.

Нет, все же он похож на отца больше, чем кажется с первого взгляда!

— Мы пытаемся разгадать загадку нашего заключения, милорд Браенг, — с лёгкой язвительностью заметила Софи. — Быть может, вы прольёте свет на ситуацию? Что происходит в столице?

Джеральд на мгновение замялся, его взгляд встретился с взглядом жены, стоявшей у камина. Та едва заметно кивнула.

— Информация обрывочна и противоречива, — начал он осторожно. — В Льене беспокойно. Ходят слухи о нападениях, о каких-то беспорядках. Власти вводят комендантский час². Король... — он запнулся, — король принимает меры. Но пока рано говорить о чём-то определённом. Наша задача — защитить вас. Я сделаю всё возможное, чтобы выполнить её.

— Значит, мы просто будем сидеть здесь, как в клетке, и ждать, пока мужчины разберутся с происходящим? — не унималась Софи.

— Мы будем сидеть здесь, в одном из самых защищённых мест Галлии, — мягко, но твёрдо поправил её Джерри. — И благодарить судьбу за эту возможность. Поверьте, леди Оберлинг, за этими стенами сейчас куда опаснее, чем внутри.

Его слова не принесли ни утешения, ни облегчения, но заставили женщин умолкнуть.

Вечером туман наконец начал понемногу рассеиваться, открывая вид на тёмные, поросшие лесом склоны холмов.

Узники замка Нефф словно вздохнули свободнее. Но ненадолго.

Поздно вечером, когда все уже разошлись по своим комнатам, Изабелла, стоя у окна, увидела нечто, заставившее её похолодеть. В просвете между ключьями тумана, далеко внизу, в долине, на мгновение мелькнул огонёк. Не огонёк фермерского дома или придорожной таверны. Это был быстрый, перемещающийся огонь. Как будто кто-то скакал с факелом по лесной тропе. Один... потом другой... третий.

Она прильнула лбом к холодному стеклу, напрягая зрение. Но туман снова сомкнулся, поглотив таинственные огни.

Было ли это игрой света? Или плодом её воображения, разыгравшегося от страха и тревоги? «Нет, — сказала себе Изабелла с внезапной уверенностью. Мне не чудится».

Кто-то был там, внизу. И двигался в направлении замка.

Она отступила от окна, сердце бешено заколотилось в груди. Теперь она понимала, почему Джеральд Браенг не спит ночами в своей лаборатории. Одиночество замка Нефф было обманчивым. Тишина — зыбкой.

Они были не в укрытии. Они были в крепости. И крепость эта готовилась к обороне.

¹ **Техномагия** — дисциплина, сочетающая инженерное дело и магические практики для создания сложных механизмов с усиленными или необычными свойствами.

² **Комендантский час**— правило, запрещающее гражданам находиться на улицах и в общественных местах без специального пропуска в установленное время (обычно ночью), вводимое властями в периоды обострения напряжённости или беспорядков.

Глава 9. Тревожность

Огни королевского дворца Галлингов пылали в зимней тьме, словно гигантский самоцвет, вправленный в бархатную оправу ночи. Сквозь высокие стрельчатые окна лился не только свет, но и звуки — упругие ритмы вальса, сдержанный гул голосов, серебристый перезвон хрусталя. Кованые ворота то и дело распахивались, пропуская дорогие мобили галлийской знати и не менее дорогие экипажи тех, кто упрямо цеплялся за традиции.

И город внизу, у подножия дворцовой скалы, вторил своему монарху. По всему Льену царило непривычное оживление: День рождения любимого короля всегда отмечался с размахом. Сегодня был временно отменен комендантский час. На центральных улицах стояли деревянные лотки, дымились жаровни, разливали бесплатный грог, раздавали сдобные пироги с луком и бараниной. В сиротских приютах и работных домах — праздничный ужин. Даже на плавучей тюрьме пахло мясной похлебкой. Город, укутанный разноцветными вымпелами и флагами, сегодня как будто вынырнул из промозглой сырости¹ начала зимы, пытаясь согреться мимолетной радостью.

Алистеру II повезло родиться в начале зимы, в то сумрачное и холодное время, когда солнца было совсем мало, дули холодные влажные ветра, а над головой нависали свинцовые

тучи, то и дело прорывавшиеся ледяным дождем или мелким крупчатым снегом². Настоящая зима в Галлии наступит чуть позже, когда окончательно встанет лед в заливе. Тогда будет и снег (впрочем, чаще тяжелый и мокрый), и метели, и крепкие морозы. Пока же — слякоть и туман, которые мгновенно пропитывали пальто, свербели в носу надвигающейся простудой и хлюпали в ботинках. И тем радостнее для горожан были бесплатное угощение и целых два выходных дня.

Все закрытые на зиму парки распахнули сегодня ворота, и даже замерзшие карусели, сверкая инеем, крутились и звенели. Обитатели льенских трущоб тоже любили этот день. Столько зевак вокруг! Для жителей Старого Квартала это раздолье было золотым днем — карманы подвыпивших горожан трепетали от щедрости и небрежности.

Радовалась дню рождения сына и старая королева Элисия. В своих личных покоях королева-мать с удовольствием наблюдала, как горничные завершают последние штрихи её наряда. Она обожала балы. В них была не просто светская обязанность, но целая философия: тщательно выстроенная драматургия власти, тонкая игра статусов, блистательный театр, где каждый жест, каждая брошь были репликой. Еще с конца лета она вникала в меню, лично отбирала оркестр, спорила с флористами о композициях из тепличных роз. Затеять к балу свежий ремонт в восточном крыле — что могло быть восхитительнее? Это была ее стихия, и, несмотря на возраст, она чувствовала себя сегодня легкой, почти

юной. Несмотря на пришедшую с возрастом тучность, королева отменно танцевала. К тому же такое значимое событие — это повод сшить новое платье, надеть новые драгоценности... Словом, настоящее счастье.

«Молодая» королева, супруга Алистера, тоже стояла перед зеркалом, ловя на себе восхищенные взгляды фрейлин. Сегодня — ее звездный час. Никогда в иной день она не получала столько внимания. Собственный день рождения скромно отмечался в семейном кругу, но сегодня ей предстояло открыть бал, и каждый её жест был отточен для этой роли — улыбка, чуть отрешенный, царственный взгляд, плавность движений в тяжелом парчовом платье.

И лишь один человек во всем дворце чувствовал себя как в позолоченной клетке. Алистер II, именинник, стоял у края бального зала и отчаянно страдал. Он ненавидел эту обязательную роскошь, этот шум, это море улыбающихся масок. В этот раз ему даже по душам поговорить было не с кем. Один Оберлинг — за решеткой. Другой — болтается невесть где, между небом и землей. А лорд Стерлинг, хороший и верный, как скала, друг, был безнадежным занудой, не понимавшим и тени сарказма.

Единственное, что оставалось несчастному королю, — пригласить на танец леди Стерлинг. Его взгляд упал на фигуру, одиноко стоявшую у колонны. Выглядела она нынче соответствующе этикету: в узком бархатном платье кроваво-красного цвета. Леди Розанна Стерлинг. Некромантка.

Ирония судьбы — в этом море притворства и фальши именно она, олицетворение мрака, казалась ему единственным живым существом.

— Ваше Величество, — ее голос был тихим, но бархатным и волнующим. — Поздравляю Вас. Город ликует.

— Ликует от бесплатного вина, дорогая Роза, — парировал Алистер, принимая ее руку для танца. — А я... Вы не представляете, Роза, как бесконечно я одинок, — жаловался король своей спутнице.

Вальс унес их в водоворот пар. Король чувствовал, как напряжены ее пальцы в его руке и как безупречно ее тело повторяет все сложные па.

— Глупости, — отрезала некромантка. — У вас прекрасная семья. Жена, дети... мать и брат.

— Они меня совершенно не понимают! — в его голосе прозвучала искренняя досада.

Алистер между делом увел Розу в нишу у окна, подальше от любопытных взглядов.

— Странно. Обычно вы весьма красноречивы. Попробуйте объяснить с ними еще раз.

— Ах, я не это имею в виду! — король раздосадованно хмыкнул. — Настоящая душевная близость — это совершенно другое! Уж вы-то должны меня понимать, дорогая Роза! Станным образом наш ближний круг постоянно пересекается!

— Как интересно! — тихо фыркнула некромантка, и ее

губы тронула улыбка. — Вы тоже общаетесь с ворами и авантюристами, журналистками и молоденькими целительницами? Или, может, бегаєте по ночам за бродячими мертвецами?

— Именно так. Самые отъявленные воры и авантюристы сегодня здесь, в этом зале, — король оживился, наслаждаясь словесной дуэлью. — Не хватает лишь Оберлингов. Без них скучно. Кстати, о мертвецах... Мне не докладывали о новых инцидентах.

— Потому что их не было, — вмиг посерьезнела Розанна. Маска светской беседы растаяла. — Ничего не было. В Лье-не тихо и спокойно. Ни одного бродячего трупа, ни одного достойного упоминания убийства. Даже ограбления сошли на нет. Такое ощущение, что... ммм... инцидент в банке был финальным аккордом.

— Вы имеете в виду парад мертвецов или ритуальное убийство банкира? — Алистер всегда умел зреть в корень проблемы. И скучно ему больше не было.

— И то, и другое. Или у нашего кукловода кончились силы, или он затаился, или...

«Молодая» королева неодобрительно косилась на супруга, который после танца утащил леди Стерлинг в нишу возле окна и теперь о чем-то шушукался с мерзкой некроманткой. Гости тоже заметили это пикантное нарушение приличий. Совсем скоро зародится новая сплетня? О нет, лорд Стерлинг широкими шагами направляется к окну и... остается.

Теперь беседа ведется втроем. Королева отдала бы парочку жемчужных брошей за возможность узнать, что именно эти трое с таким увлечением обсуждают.

Впрочем, тема беседы ее бы не заинтересовала.

— На фабриках тоже все спокойно, Ваше Величество, — докладывал Роберт Стерлинг. — Никаких аварий и диверсий, все поставки приходят в срок, все процессы идут по плану.

— Что там с металлургическим заводом в Белой Чаше?

— Все в порядке.

— Это-то и странно! — Глаза Алистера фанатично вспыхнули. — Подобной тишины я не видел очень давно! В последний раз дела шли так хорошо лишь тогда, когда был жив мой отец!

— Скорее, со времен канцлера Браенга, — посмел поправить короля Стерлинг. — Именно он отвечал за промышленную безопасность Галлии. Сейчас же место канцлера пусто.

Алистер кивнул. Хотя должность канцлера была создана специально для Кирьяна Браенга, устранять ее никто не спешил. Неужели не найдется в Галлии достойного человека? Любой из братьев Оберлингов мог бы занять пустующее место. Только вот беда — его величество никак не мог выбрать между Максом и Тьеном. Оба были по-своему хороши. И оба сейчас якобы в опале.

— Итак, подведем итоги, — тихо, почти про себя, прого-

ворил король, глядя на пеструю шумящую толпу гостей. — В столице спокойно, пригороды готовятся к Излому Года³, преступный мир затаился, промышленность на подъеме, а аристократы-традиционалисты, противящиеся техномагии, присмирели... Что бы это значило? Неужели в Галлию наконец-то снизошли мир и благодать?

В его голосе прозвучало столько неприкрытого сарказма, что даже лорд Стерлинг понял, что его Величество шутит.

— Затишье перед бурей? — приподняв светлую бровь, тихо спросил начальник департамента техномагии.

Алистер II отвернулся от окна, за которым медленно падал мелкий колючий снег. Его взгляд скользнул по сияющему залу, по своим гостям, по улыбающейся жене, по величественной матери.

— Я боюсь, что да, — так же тихо ответил он. — И боюсь, эта буря будет ужасной...

¹ **Промозглая сырость**— Пронизывающая, неприятная влажность, характерная для начала зимы в Льене.

² **Крупчатый снег**— Мелкий, зернистый снег, похожий на крупу.

³ **Излом Года**— Ожидаемое горожанами время перелома зимы, традиционный рубеж.

Глава 10. Прекрасное хмурое утро

Новое утро в Чёрном Замке выдалось пасмурным и меланхоличным. Свинцовые облака, истощившие свой гнев прошлой ночью, окутали небо плотным тяжёлым покрывалом. Мелкий надоедливый дождь, похожий на туман, медленно стекал с зубчатых стен и затягивал пеленою узкие окна. Сквозь щели в деревянных рамах сырость просочилась внутрь спален, делая одежду тяжелой, заставляя ежиться от пронизывающего холода.

Непоколебимый Чёрный Замок стойко выдержал шторм и магическое потрясение, а теперь отдыхал, тяжело вздыхая в своём полусне, совершенно не обращая внимания на обитателей, что слонялись по коридорам, как призраки, оглушённые зловещим безмолвием.

Вынырнув из тревожного, беспокойного сна, я почувствовала тепло — мягкое и живое. Затем услышала спокойное, ровное дыхание — глубокое и ритмичное. *Так уж ли много мне нужно для счастья?* Я лежала, не шевелясь, боясь спугнуть хрупкое чудо этой близости. Ночью, измученная волнением и бессонницей, я легла рядом с Лиамом, прижавшись к его надежному боку. Убаюканная ровным дыханием, успокоенная привычным запахом, я и сама не заметила, как задремала. Теперь, в сером утреннем свете, проникавшем сквозь стрельчатое окно, я осознала, что переступила

ещё одну незримую черту.

Мы спали вместе, просто спали, и для меня это имело гораздо большее значение, чем все страстные ночи из моего прошлого.

Лиам лежал на спине. Он выглядел умиротворённым, как будто боль, мучившая его даже во сне, наконец отступила. Я осторожно отодвинулась, чтобы не нарушить его покой. Он не шевельнулся, только губы слегка дрогнули.

Вот уж не дело, чтобы первое, что он увидел, — было моё заспанное лицо, растрёпанные волосы и мятая одежда! Я должна выглядеть достойно. Не для того, чтобы произвести впечатление, не ради какого-то соблазна. Просто... Я просто хочу, чтобы, когда он откроет глаза (богиня, я надеюсь, что его зрение вернётся!), его взгляд упал на что-то красивое. По крайней мере, я постараюсь сделать для этого всё возможное.

Бесшумно выскользнула из его комнаты. В своей спальне скинула мятую одежду. Вода, хлынувшая из хрипящего крана, была ледяной, но я умывалась с почти ритуальной тщательностью, смывая следы слёз, усталости и вчерашнего дня. Затем торопливо натянула чистое бельё, путаясь в завязках и разгибая крючки. И наконец-то достала из саквояжа тёмно-синее платье, которое Морроуз подарил мне в Брюсте. *Вот и пришёл его час!* Правда, оно немного помялось, но всё ещё выглядело элегантно.

Я села перед тусклым зеркалом и взяла расчёску. Волосы,

обычно непослушные, вдруг стали мягкими и легко ложились в тугую косу. Пальцы помнили движения, которым меня учили в приюте. Каждый виток косы был словно ритуал, безмолвная молитва.

«Он меня увидит. Зрение обязательно вернется. И я хоть ненадолго стану той женщиной, которая достойна быть рядом с ним. Сегодня я — не случайность».

Я ведь умею быть другой. Не воровкой, а графиней. Не простолюдинкой, а леди. Элегантной, сдержанной, правильной. Это тоже я. Просто... немного фальшивая. Но ради Лиам я готова носить эту маску.

На пороге его комнаты я остановилась, кусая в волнении губы. Внутри снова за клубились сомнения. *Что, если он уже проснулся? И зрение не вернулось? Вдруг Раиль — не такой уж и хороший целитель? Впрочем, всё это уже не имеет значения. Решение принято, и я о нём никогда не пожалею.* Глубоко вздохнув, я осторожно толкнула дверь.

Лиам спал, оставаясь в той же безмятежной позе. Я осторожно присела на тот же стул рядом с кроватью, сложила руки на коленях и приготовилась ждать. Мне казалось, что я могла бы сидеть так бесконечно.

Словно почувствовав моё присутствие, он шевельнулся. Дыхание доктора изменилось, коротко вздрогнули его пальцы, нахмурились брови. С огромным усилием Лиам медленно приоткрыл веки.

Я увидела его взгляд — не пустой и бессмысленный,

устремлённый в никуда, а ясный и сосредоточенный. Лиам моргнул, привыкая к свету, а затем его глаза нашли меня. Сначала растерянно, а потом вдруг — о, богиня! — с узнаванием.

Его лицо не отражало ни радости, ни удивления. Он медленно и осторожно пытался осмыслить увиденное.

— Оливия? — голос доктора был хриплым от сна.

Я не смогла вымолвить ни слова. Горло сдавило таким тугим узлом, что любая попытка издать звук грозила обернуться либо душераздирающим воплем, либо истерическим смехом. Я только молча кивнула, дотронувшись до его холодной руки, лежавшей на одеяле.

Лиам медленно приподнялся, опираясь на локоть, и его пальцы с силой сжали мои. Он обвёл взглядом комнату: запотевшее окно, холодный пустой камин, моё лицо, аккуратную причёску, лучшее платье.

— Я... вижу, — произнёс он удивлённо.

Его взгляд вернулся ко мне. Он скользнул по аккуратно уложенной косе, моему наряду и дрожащим губам. В его глазах мелькнула глубокая нежность. Он понял. Он понял, что я готовилась к этому моменту.

— Ты... ты такая красивая. Почему плачешь?

— Это от счастья, дурак, — выдохнула я, наконец найдя в себе силы говорить, и тут же сгребла край одеяла, чтобы вытереть лицо. — Крысья пасть, получилось!

Доктор не улыбнулся даже глазами. На лице всё ещё оста-

валось выражение растерянного удивления. Словно он готовился к худшему и никак не ожидал, что всё повернётся именно так. Лиам поднял руку и медленно, словно боясь спугнуть призрачное видение, коснулся моей щеки кончиками пальцев, убирая слезу.

— Ты здесь, — сказал он, и в этих простых словах таился ответ на все его вчерашние тревоги.

— Я здесь, — откликнулась я, прижимаясь щекой к его ладони. — И никуда не уйду. Помнишь?

— Помню, — его губы тронула первая за всё последнее время настоящая, хоть и усталая улыбка. Она преобразила его исхудавшее лицо, сразу сделав его намного моложе. — Похоже, Кимак всё же гений. Или я просто слишком везучий.

— И то, и другое, — рассмеялась я сквозь слёзы. — Доктор Лиам Соверьен, отныне вы видите как орёл. Поздравляю вас. И... и себя тоже.

Мы ещё долго сидели так, молча, просто глядя друг на друга, и в этой тишине было больше слов, чем во всех наших предыдущих разговорах, вместе взятых. *Буря отступила. Свет вернулся. И впервые за долгое время я почувствовала не зыбкую надежду, а уверенность.*

В замковой столовой царила атмосфера напряжённого оживления, разительно контрастирующая с унылым пейзажем за стрельчатыми окнами. Воздух был насыщен аромата-

ми скромной, но сытной еды: тёплого хлеба с хрустящей корочкой, острого сыра, солёной ветчины и дымящегося травяного напитка, горьковатый запах которого говорил о его лечебных свойствах.

Ненавижу все эти травяные чаи. Они бывают очень коварными. Кофе бы... В этой глуши должен же быть кофе, правда?

Лиам, сидевший рядом, был бледен, но держался стойко. Он словно заново открывал мир, жадно впитывая каждую деталь: мрачные гобелены на стенах, блики светильников на столе, напряжённые лица собравшихся. В его взгляде читались не только естественное любопытство, но и лёгкая ироничная усмешка, которая успела мне полюбовиться.

Тьен, восседавший напротив, поглощал еду быстро, азартно, с прямо-таки волчьим аппетитом и целеустремлённостью. В этом простом действии всё же ощущалась привычная настороженность: его цепкий взгляд непрерывно скользил по окружающим, оценивая и анализируя их.

Эдвин Морроуз, наоборот, казался воплощением уныния. Он вяло ковырял вилкой еду, его длинное измождённое лицо было мрачнее угрюмого неба за окном. Ночь, проведённая в магических ритуалах и заботе о раненых, явно истощила его до предела.

Маркус ди Гриньон и Раиль Кимак первыми покинули свои места. Тёмный король, сидевший во главе стола, поднялся, отодвинув тяжёлый резной стул с таким видом, слов-

но покидал не скромную трапезную, а величественный тронный зал. Каждое его движение было неспешным и веским, полным собственного достоинства.

— Дело сделано, — заявил король, и его низкий, бархатный голос прозвучал как точка в этой истории. — Кладбище упокоено. Печати восстановлены. С остальным разбирайтесь сами, лорд Оберлинг. Избавьте меня от хлопот, я не имею ни времени, ни желания вникать в проблемы галлийской ловчей службы.

Следом за ним поднялся Тьен как занимающий высшую должность среди остальных присутствующих. Его поклон был неглубоким, но безупречно выверенным.

— От имени Галлии и короля Алистера я выражаю вам искреннюю благодарность за вашу помощь, Ваше Величество, — заявил он твёрдо.

Это было несколько самонадеянно с его стороны, так как он уже не занимал пост главного ловчего и вообще находился здесь как бы инкогнито. Однако мне было уже всё равно, ведь объясняться с нашим королём предстояло кому-то другому.

Ди Гриньон усмехнулся, уголок его строгого рта дрогнул.

— Надеюсь, следующая наша встреча произойдёт в более благоприятных обстоятельствах.

— Поверьте, Ваше Величество, — горько усмехнулся в ответ Тьен, — мы на это надеемся не меньше вашего. Ещё раз благодарю вас.

Он сделал небольшую паузу, прежде чем тихо добавить:
— И я — ваш личный должник.

Кивок короля Франкии был краток и принят как должное. Цена такого долга была хорошо известна им обоим...

Крысья пасть, как же я все-таки умудрилась влезть в столь серьезные неприятности? Короли, кольца, кладбища, живые покойники...

— Что же касается вас, дражайший родственник... — тяжёлый взгляд тёмных глаз ди Гриньона остановился на съевшемся у камина хозяине замка, который, похоже, до последнего мгновения надеялся, что про него забудут. — Решение будет принято позже. Пока же к вам будет приставлена охрана. Надеюсь, вам хватит ума этому не препятствовать.

Лич мрачно промолчал. *Да и что он скажет? Покинуть замок он всё равно не сможет. Как и противостоять самому сильному некроманту Франкии.*

Уже в холле, куда мы все вышли, дабы проводить высоких гостей, случилось странное, но приятное событие — достойное завершение очередного этапа нашего безумного приключения.

Господин Кимак, с изящной небрежностью натягивающий свои роскошные перчатки из тончайшей кожи, те самые, бархатистые, шоколадные, с тонкой вышивкой, заметил мой тоскливый взгляд. Я вновь позавидовала этому щеголю, впрочем, теперь уже не желая его обокрасть. Слишком цен-

ной оказалась его помощь, слишком многое он мне вернул.

И даже безумно дорогие, безумно красивые... и безумно практичные в этой промозглой сырости перчатки не так уж были мне и нужны, правда?

Мысленно убеждая себя в этой несомненной истине, я сжала озябшие пальцы в кулаки, пряча их в складках платья.

Он был очень наблюдателен, этот неприятный мужчина. И, несомненно, умен. Наверное, это важно в ремесле целителя. Узкие глаза блеснули насмешливым пониманием. Медленно, почти театрально, Кимак стянул с узкой кисти только что надетую перчатку и протянул её мне.

— Примите мой скромный подарок, леди Оливия, — произнёс он с лёгкой усмешкой. — Вижу, они вам нравятся. Носите на здоровье. На память о том, что здесь произошло.

Я почувствовала, как вспыхнули щёки. В его жесте не было щедрости — лишь снисхождение аристократа. Мне, кажется, подавали милостыню. Но в то же время Раиль существенно облегчил мои муки, обозначив подарок как памятный.

Я колебалась долю секунды, но врождённая тяга к красивым вещам пересилила гордость. *Эти перчатки могли спасти мои пальцы от обморожения!*

— Благодарю, — буркнула я, принимая подарок и чувствуя, как горят уши. Примерила и вздохнула: невероятно мягкие и тёплые.

Нужно было их всё же стянуть — он бы и не заметил.

А мне не было бы так неловко.

Раиль усмехнулся ещё раз, коротко и сухо, кивнул на прощание Лиаму и последовал за своим сюзереном.

Едва за ними закрылись тяжёлые двери, Тьен громко фыркнул.

— Наконец-то! Дышать стало свободнее. Два напыщенных индюка под одной крышей — даже для Чёрного Замка многовато.

— И кто же второй? — ехидно спросил его Морроуз.

— Хозяин замка, конечно, — усмехнулся Тьен. — Хотя, признаться, при своём любимом внуке он вёл себя очень скромно.

— Тогда кто первый? — не удержалась от вопроса я. *Как по мне — индюков было минимум три.*

— Уж точно не король, — буркнул Тьен. — Эти степняки совершенно невыносимы. Но самый ужасный индюк из всех — муж моей сестрицы*. — Оберлинг передёрнул плечами, а потом обвёл всех нас пугающе радостным взглядом. — Ладно. Пока упомянутый всуе наш любезный хозяин обдумывает своё будущее, не будем терять времени. Морроуз, ты говорил, в библиотеке ди Моро могут быть полезные манускрипты?

**Примечание авторов: родственные связи всех участников событий весьма запутанны. Тёмный король, Маркус ди Гриньон, приходится родным внуком старому ди Моро. А*

Раиль Кима́к — сын старшей сестры Тьена Оберлинга. Тьен не в ладах с зятем, Аязом Кимаком — когда-то он позорно проиграл степняку в поединке. Об этом можно прочитать в книге «Сын ветра». А ещё Аяз — тот самый гениальный учитель доктора Ли и (внезапно) отец Изабеллы.

◆◆☛♣☛◆◆*Специально для радетелей неукоснительного соблюдения правил русского языка: Согласно официальному ответу справочной службы Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, в задачи которого входит кодификация норм литературного языка в нормативных словарях, грамматиках, справочниках по культуре речи, слово "кофе" может употребляться как существительное мужского рода и как существительное среднего рода. Эти варианты по-прежнему неравноправны: мужской род — строгая литературная норма (в образцовой речи), средний род — допустимое разговорное употребление (но не ошибка). Современные словари русского языка, как правило, указывают: кофе, м. и (разг.) с. Но могут и ограничиться указанием строгой нормы (особенно если это издания, адресованные работникам эфира).

В нашем случае это мысленная реплика главной героини, а мы с вами помним, что Лив — дитя льенских подворотен, бесконечно далекая от строгих литературных норм.

Глава 11. Круг замкнулся

Среди всей пафосной роскоши Черного замка, среди мрамора, тяжелого бархата, люстр и вычурной лепнины дверь в библиотеку отличалась особой неприметностью. Дескать, нет там ничего за этой скромной деревянной дверью с обычной медной ручкой. Не заходи, гость, не нужно. Но мы, конечно, зашли — и вновь у меня перехватило дыхание от особой атмосферы, царящей здесь. Воздух был пропитан тайной, и она не сулила ничего хорошего. Особенно — вкупе с радостным оскалом Тьена.

Запутанный лабиринт стеллажей был изготовлен из тёмного, почти чёрного дерева. Полки терялись под потолком, в густом мраке, где лишь изредка мерцали позолоченные края фолиантов. Свет от магических светильников, закреплённых на стенах, освещал лишь отдельные уголки: груду свитков в углу, массивный стол, покрытый бумагами, и нас — несчастных смертных, осмелившихся нарушить этот вековой покой.

— Разделимся на группы, — решительно произнёс Тьен. — Я и Эдвин займёмся этим рядом. Доктор и Оливия — напротив. Огюст, твоя задача — проверить углы, стол и поискать возможные тайники. Ищите всё, что связано с некромантией, особенно следы жертвоприношений. Нас интересуют все странные рисунки, записи и дневники. Тот, кто найдёт что-то о кольцах, получит от меня золотой.

В этот момент я окончательно убедилась, что события последних дней повлияли на разум Оберлинга весьма плачевно. Проглядеть все книги? Он в своем уме? Тут работы на долгие годы! Я не хочу состариться среди этих фолиантов!

К моему искреннему удивлению, Тьену никто не возразил. Лиам снял куртку, закатал рукава и с сосредоточенным видом углубился в работу. Он выхватывал книги с полки, быстро просматривал оглавления, перелистывал страницы, иногда что-то бормотал.

Что же, я делаю это лишь ради него. Чем больше бумажной пыли попадет в мои легкие, тем лучше будет дышать мой любимый. Крысья пасть! Ненавижу Оберлинга!

Несмотря на то, что я провела пальцем по корешкам книг. Они были тяжёлыми, массивными, страницы — ломкими и шершавыми, покрытыми выцветшими чернилами и символами. *Ничего не понятно. Зачем хозяину столько? Вряд ли он читал их все. Целой жизни на это не хватит!* Я брала книги наугад, вглядывалась в иллюстрации: жуткие пентаграммы, анатомические схемы существ, которых не должно быть, изображения ритуальных кинжалов с витыми рукоятями. От одной особенно мрачной гравюры, где вскрывали обезьяну, у меня свело желудок. Всё не то. Никаких колец.

Время текло медленно, почти невыносимо. Свет за узкими окнами угас, уступая место густым сумеркам. В библиотеке похолодало, и я дрожала, пытаясь согреть пальцы в складках платья. Лиам заметил это и накинул на мои плечи

свою куртку. На столе быстро росла стопка книг, которые мы уже отложили. Но всё безрезультатно. Полки по-прежнему казались бесконечными.

Шуршание страниц вдруг прервал трубный рык. Я не сразу поняла, что это урчал желудок Тьена. Оберлинг раздражённо откинулся на спинку стула и с досадой отбросил в сторону очередной том. Несомненно, дорогой и ценный, с позолоченным корешком и цветными иллюстрациями.

— Это невыносимо! Мой внутренний зверь требует пищи. Огюст, будь добр, найди нашу зловещую экономку и попроси её принести еду. И чаю. Крепкого чая. Иначе я начну грызть эти полки, а они, я уверен, такие же отвратительные на вкус, как и на вид.

Огюст, радуясь передышке, тут же исчез, но вскоре вернулся вместе с Адой. Женщина внесла поднос, держа его так, будто он содержал что-то опасное, и с осторожностью поставила на край стола. На подносе красовалась тарелка с бутербродами, если этот страх можно так назвать.

Хлеб оказался чёрствым, как сердце хозяина замка. *Им, думаю, можно забивать гвозди.* Тонкие ломтики буженины цвета старого пергамента были покрыты заветренной корочкой. Даже у меня, много повидавшей на своем веку, при взгляде на это пропал всякий аппетит.

Тьен, однако, не моргнув глазом, схватил один из «бутербродов», с хрустом, разносящимся по всей библиотеке, откусил половину и принялся жевать с видом истинного гурмана.

— Вкусно, — заявил он, запивая чаем из простой глиняной кружки. — Напоминает мне паёк ловчего во время тяжёлой слежки в портовых складах. Ностальгия. Не стесняйтесь, коллеги, подкрепляйтесь.

Никто больше не выразил желания отдать должное этим окаменелостям.

— Воля ваша, — пожал плечами Тьен и умял оставшиеся деликатесы с аппетитом, который можно было бы назвать волчьим, если бы волки не были разборчивее.

Не в силах вынести этого зрелища, я отвернулась и с тоской оглядела очередной бесконечный стеллаж. Мой взгляд поднялся к самым верхним полкам. И зацепился. Высоко, почти у самого потолка, поверх аккуратного ряда кожаных корешков, что-то светлело. Книга? Нет, не похоже. Во мне вдруг завопила интуиция: то самое внутреннее чутьё, которое безошибочно указывало мне на тайники, скрытые сейфы и схроны ростовщиков. Я шагнула назад, поднялась на носочки и прищурилась, пытаюсь рассмотреть этот предмет: кажется, газета? Точно. Старая, пожелтевшая газета. А скорее, сверток, которому совершенно не место так высоко. *На самом видном месте!*

— Лиам, — прошептала я, не отрывая взгляда от свёртка. — Помоги мне подняться.

Доктор взглянул на меня с недоумением, затем проследил за моим взглядом.

— Уверена? Высоко. Где-то есть передвижная лестница,

быть может...

— Подсади, — повторила я уже твёрже.

Лиам, к его чести, не стал больше спорить, а просто встал и, сцепив руки, предложил мне «ступеньку». Я, приподняв подол платья, взобралась на неё, поймав его встревоженный, но в то же время одобрителный взгляд. Полки шатались, древняя пыль осыпалась мне на лицо и плечи. Дотянуться было непросто. Я встала на цыпочки, опираясь коленями на узенький выступ верхней полки, вытянулась струною и кончиками дрожащих от напряжения пальцев дотронулась до угла свёртка. Слишком высоко! Но можно вытащить книги, на которых он лежит. Увы, они не желали поддаваться, будто приросли к полке. Пришлось поднажать, рискуя обрушить на себя всю конструкцию. Наконец, с тихим шуршанием, книга выскользнула из своего укрытия, а следом мне в руки упало желаемое.

Тяжело дыша, с торжествующим блеском в глазах и трофеем в руках, я отступила назад и оказалась в надежных объятиях моего доктора. Сверток был тяжелым и плотным. Лиам прерывисто вздохнул и, отпуская меня, тихо пробормотал: «Чертовка». Смахнув рукавом толстый слой пыли и осторожно развернув пожелтевшую газету, я ахнула.

В моих руках лежал не просто фолиант, а настоящее произведение искусства. Переплёт из тёмно-фиолетовой кожи, мягче бархата, украшали сложные серебряные узоры. В центре сияла пентаграмма, составленная из множества мелких

рун. Они складывались в стилизованный череп, если при-
смотреться. По углам виднелись массивные серебряные за-
клёпки, а по бокам — два изящных замочка. *Я сразу оцени-*
ла её стоимость на чёрном рынке Льена — не меньше полу-
сотни импералов. И это только за переплёт!

— А у тебя нюх на красивые вещи... — усмехнулся Лиам,
заглядывая через моё плечо. — Как думаешь, это оно?

Я не успела ответить. Внезапно на нас упала тень. Тьен,
почувствовав добычу, бесшумно подошёл, как подобает обо-
ротню. Он без лишних слов забрал у меня книгу и начал раз-
глядывать её с видом знатока.

— Смотрите-ка, — произнёс он, и в его голосе прозвучала
неподдельная заинтересованность.

Он положил фолиант на стол и осторожно открыл его.
Замки, к счастью, были не заперты. *Только вот к счастью*
ли?

Он перелистнул несколько страниц с изящными, но бес-
полезными иллюстрациями и остановился на развороте фор-
заца. Человеческий череп. Странной продолговатой формы.
Даже я уловила в нём сходство с теми, что украшали про-
клятые кольца. Вокруг него была изображена сложная сеп-
тограмма: шесть точек, расположенных по кругу и соединён-
ных между собой линиями, образующими шестиконечную
звезду. В каждом её луче — маленькие, тщательно выписан-
ные знаки: огня, воды, земли, воздуха, жизни и... смерти.
Рядом пометки на древнефранкийском, мелким, убогим

почерком.

— Шесть якорей... шесть точек, которые удерживают душу во время переноса... — Тьен водил пальцем по надписям. — Это то, что нам нужно?

Морроуз, услышав бормотание Тьена, побледнел еще больше, чем обычно. И куда только девалась его вечная апатия? Он вырвал книгу из рук Тьена и впился взглядом в зловещую картинку.

— Да! Да, это часть ритуала! Это схема колец! — воскликнул некромант, жадно перелистывая страницы. — Но... но здесь не хватает нескольких листов! Видите? — он показал на неровные края у корешка. — Их вырвали! Нет точных указаний по месту и времени активации! И нет... нет точного описания схемы изготовления!

Мы обменялись красноречивыми взглядами. В воздухе повисло гнетущее разочарование, смешанное с тревогой.

Внезапно, словно выйдя из тени, в дверном проёме библиотеки появилась иссохшая фигура лорда ди Моро. Он стоял, опираясь на свой посох, и его тусклые глаза медленно обвели нас, стол, а затем остановились на роскошном переплёте, который держал в руках Эдвин.

— Нашли что-то интересное, господа? — проскрипел негромко он.

— Интересное? — фыркнул Тьен, не отвечая на вопрос напрямую. Его поза была расслабленной, но взгляд — острым, как клинок. — Можно и так сказать... Почему в этой

книге не хватает страниц?

Лич отчего-то медленно кивнул.

— Ах, да... Этот манускрипт... Был у меня один гость, букинист из Брюста. Составлял описи редких книг. Большой энтузиаст... хе-хе... искатель старинных знаний. После его отъезда я и обнаружил пропажу нескольких листов. Глупец! Должно быть, его заинтересовали запретные ритуалы. Я не стал его догонять. Иногда так интересно наблюдать со стороны, как смертные играют с огнём, который они даже не в силах понять.

В библиотеке повисла гробовая тишина.

Брюст! Снова Брюст. Город, где родился Эдвин. Место, где мы обнаружили его, Демона и Кербастриана Фрэя. *Круг замкнулся?* Все нити и совпадения внезапно перестали быть случайными и сложились в четкий узор.

Тьен первым нарушил молчание. Он с громким хлопком захлопнул лежавшую перед ним книгу, подняв облачко пыли, заставившее всех нас моргнуть.

— Всё ясно, — его голос был холоден. — Наш гостеприимный хозяин не может покинуть замок, а потому вору удалось уйти. А может быть, лорд ди Моро и вовсе втихаря при-торговывал запрещенными знаниями. Эдвин, не делай такое лицо, ты пока еще не в состоянии содержать всех некромантов Галлии за свой счёт. Я очень надеюсь, что ловчая служба Брюста не зря ест свой хлеб. Не хотелось бы найти на тамошнем рынке торговцев волшебными кольцами. — Он обвёл

всех взглядом, и в его глазах плясали знакомые огоньки — азарт охотника, решимость воина и злость человека, которого обвели вокруг пальца. — Времени у нас не так уж и много, господа. Через пару дней явится надсмотрщик от Маркуса, который начнёт задавать ненужные вопросы. Не имею ни малейшего желания с ним встречаться. Как давно здесь был этот коварный букинист, милорд?

— Время для меня течёт совсем по-иному, — с недовольным видом пробурчал лич.

Тьен тихо, но угрожающе рыкнул, и лорд Ди Моро тут же исправился:

— По человеческим меркам — около полугода назад.

Тьен выдержал драматическую паузу, но губы его подрагивали, словно он изо всех сил сдерживал торжествующую ухмылку.

— Ясно. Значит, план такой, — громкий шёпот Оберлинга наполнил библиотеку. — Берём всё, что кажется хоть сколько-нибудь полезным. Все заметки, все схемы, все книги, где есть намёки на этот ритуал. И валим. Как можно быстрее. Не так уж много букинистов в маленьком Брюсте, не думаю, что у нас возникнут проблемы в поисках. Найдём этого старьёвщика и выясним, кому и что он продал, подарил или показал. Огюст, прямо сейчас ты отправляешься за Яхором, готовьте корабль к отправлению. Оливия...

Он явно собирался поручить мне ещё какую-то неприятную задачу. Например — снова копаться в библиотечной

пыли. К демонам! Я свою миссию уже выполнила!

— Я грязная, как помойная крыса! — торопливо пропела я, отступая за спину Лиама. — Мне нужно еще принять ванну, сделать причёску... Собрать саквояж, уложить платья... И кстати, где мой золотой?

Широкие плечи доктора надёжно скрыли меня от сердитого взгляда Тьена...

— Скажите, лорд ди Моро, — не удержалась я, в последний раз (я надеюсь) переступая порог Черного замка. — Эти ваши кошки... они просто домашние животные? Или в них скрыто нечто большее?

Взгляд, тусклый, как полная луна в туманную ночь, медленно сфокусировался на мне. Уголок мертвого рта дёрнулся в подобии усмешки.

— Домашние животные? О нет, дитя моё. Это не питомцы, а мои скромные резервы. Они ходят, мурлычут, имеют когти и хвосты. — Его голос скрипел, как заржавевшая шестерёнка. — Эти существа ловят мышей, птиц и всю мелкую живность, что шныряет вокруг замка. Каждая смерть, даже самая незначительная, высвобождает крошечную искру энергии... энергии смерти. Они впитывают её, как губка поглощает воду, и передают мне. Это позволяет мне поддерживать... ну, всё это. — Он неопределённо махнул рукой в сторону замка. — Мыши, конечно, не в восторге. Но как тут быть? Круг жизни — он же круг смерти. Весьма замыслова-

тый, надо сказать.

В его тоне не было ни злобы, ни сожаления. Сухая, прагматичная магия выживания. И почему-то это не пугало, а лишь вызывало странную жалость. Ко всем скопом: к личу, к кошкам и к тем несчастным мышам, чьи крошечные жизни становились топливом для этого древнего ужаса.

Силуэт старого лича ещё долго виднелся на пороге Чёрного замка. Он стоял неподвижно, опираясь на резной посох, и его мрачное лицо в проёме тяжёлой дубовой двери казалось не столько зловещим, сколько бесконечно усталым. Ветер трепал полы его чёрного камзола, и в этом было что-то пронзительное.

Мы шли по мокрой от дождя тропе к тому месту, где в тени небольшой долины, скрытой от посторонних глаз, дожидался нас «Минем шабаки». Яхор, предусмотрительный как всегда, увёл его туда, чтобы не привлекать лишнего внимания. Я шла, не оборачиваясь, но спиной чувствовала тот самый Чёрный Замок — самое мрачное место Франкии, если не во всём мире.

И странное дело — в моей памяти не осталось страха. Осталось ощущение... тихого счастья. Замок стал для меня не проклятым местом, а неким чистилищем, горнилом, в котором что-то во мне переплавилось, закалилось и обрело новую форму. Именно здесь, среди оживших мертвецов и кладбищ, я нашла себя. Нашла ту Оливию, что способна не просто бежать от опасности, а встретить её лицом к лицу.

Ту, что может не просто соблазнять, а любить. Ту, что готова стать чьими-то глазами и чьим-то якорем.

«Всё уже было не напрасно, — подумала я, глядя на уходящую вперёд тропу. — Даже самое чёрное и уродливое. Потому что оно привело меня сюда. К нему».

Лиам шагал рядом, его плечо иногда легко касалось моего, а крепкий локоть служил мне опорой. Он был ещё бледен, но ступал уверенно. Ему больше не нужны были очки. Лиам осматривал окрестности ясным и внимательным взглядом, заставляя моё сердце биться быстрее и наполняя меня радостью. Он видел. Видел серое небо, мокрые сосны и меня. Этого было достаточно.

Глава 12. Передышка

Запахи на борту «Минем шабаки» были густыми, до боли знакомыми. Букет ароматов раскалённого металла из машинного отделения, ворсистой пыли, сладковатый дымок трубочного табака Яхора и едва уловимый дух лекарственных трав, всегда витавший вокруг Лиама. После мрачной затхлости Чёрного Замка, пропитанной смертью, этот воздух казался не просто свежим, а живительным, как эликсир.

Даже равномерный, чуть вибрирующий гул магического двигателя, прежде раздражавший меня своим монотонным гулом, теперь ласкал слух, словно мурлыканье огромного, но доброго механического зверя. Мы были дома. В нашем летающем, уязвимом, но таком надёжном убежище.

— Ну, вот и наши скитальцы вернулись, — раздался спокойный голос Яхора Кимака.

Он появился на мостике, вытирая огромный гаечный ключ ветошью. Его механическая рука была покрыта слоем масла и сажи до самого локтя. Я не могла не обратить внимание на то, как гармонично эта стальная конечность сочеталась с его внешностью.

— Все невредимы? — спросил Яхор, и в его узких глазах мелькнула тень беспокойства. — Огюст, когда я его встретил, выглядел мрачнее грозовой тучи и отказался вдаваться в подробности.

— Живы и, считай, целы, — Лиам ответил той сдержанной улыбкой, которую я уже успела полюбить больше всех прочих улыбок на свете. Его взгляд скользнул по запачканной руке капитана, и доктор тут же нахмурился. — Спасибо, Яхор. И за корабль, и за... ну, за всё. Позволь мне переодеться, сделать пару неотложных дел — и жду тебя у себя в каюте. Отговорки не принимаются.

— Да, — Яхор кисло поморщился, инстинктивно пряча руку за спину, словно нашкодивший мальчишка. — Всё никак не дойдут руки... Ладно. Лучше скажите, удалось ли найти пару новеньких шестеренок, способных запустить механизм правосудия?

Тьен и Морроуз, скинув промокшие насквозь и пропахшие болотом плащи, выкладывали капитану сухие беспристрастные факты. Я устало опустилась на диван, с воодушевлением разглядывая накрытый стол.

Фрэй, неизменно хозяйничавший на камбузе, кивнул мне в знак приветствия. Его молчаливая солидарность значила для меня не меньше болтовни Огюста. На столе дымились миска с картофельным пюре, радовали глаз блюдо с толстыми ломтями домашней колбасы, солёные огурцы и огромная румяная краюха чёрного хлеба. Простая, но невероятно соблазнительная еда, пахнувшая жизнью, а не тленом.

Когда мы все усадились — локоть к локтю, совершенно по-семейному — и наши тарелки наполнились, я не удержалась и издала блаженный вздох, отломив кусок хлеба. Он был тёп-

лым, душистым, с хрустящей, почти обжигающей пальцы корочкой.

— Богиня, — прошептала я, закрыв глаза от наслаждения после первого же куска. — Я и не помню, когда ела так вкусно и... по-настоящему сытно. Как будто вернулась домой.

«Дом». Слово сорвалось с моих губ само собой, бездумно. Но, прозвучав, оно повисло в воздухе, наполненное новым, неожиданным смыслом.

— Дом — это не просто место, дорогая Лив, — задумчиво произнёс Огюст, с изящным щелчком откупоривая невесть откуда появившуюся бутылку и наполняя свой бокал тёмно-рубиновым вином. — Это состояние души. И, конечно же, наличие достойного винного погреба.

— То есть для тебя дом — это там, где наливают? — фыркнул Тьен, с волчьей решительностью расправляясь с содержимым своей тарелки.

— И в этом есть своя непреложная мудрость, мой друг! — парировал Огюст, не смутившись ни капли.

Я наблюдала за ними с умилением: за язвительным, но невероятно надёжным Тьеном; за молчаливым, крепким как скала Яхором; за замкнутым и мрачным, но по-настоящему добрым Эдвином; за загадочным, как тень, Фрэем; за надоедливym, но ставшим за эти недели почти родным Огюстом. И за Лиамом. За моим Лиамом, который сидел рядом, и его колено под столом мягко касалось моего, словно молчаливый знак: «Я здесь. Всё в порядке».

— Нет, я серьёзно, — сказала я тише, обращаясь уже ко всем разом, к этой разношерстной компании, ставшей моей новой реальностью. — Спасибо. За то, что я здесь. За то, что вы... все здесь.

Вот оно. То самое, неуловимое и бесценное чувство — «свой». Не по крови, не по закону, а по странному, причудливому стечению обстоятельств, предательств, спасений и общих тайн. Я была среди своих. Возможно, впервые за всю свою одинокую, полную лжи и предательства жизнь.

— Ладно, хватит лить сентиментальный сироп, — Тьен отпил из своего бокала простой воды и отставил его с таким видом, будто это был бренди пятидесятилетней выдержки. — Вернёмся к нашему гостеприимному кладбищу младенцев. Эдвин, ты хотел высказать свою... скажем так, теорию.

Морроуз, до этого лишь ковырявшийся вилкой в тарелке, вздохнул так глубоко, что казалось, вот-вот испустит дух, и отодвинул остатки пюре от себя.

— Теория — громко сказано. Скорее, догадка, выстроенная на обрывках знаний и том, что мы видели. — Эдвин откашлялся, и его пальцы нервно забарабанили по столу. — Эти кольца... то, что они позволяют обывателю поднимать кладбища, как некроманту... Это не их истинная функция. Это побочный эффект. Как искры от костра, которые могут обжечь, но не могут согреть.

Тьен перестал жевать, его взгляд стал пристальным и острым.

— Побочный эффект чего, Морроуз? Говори яснее.

— Древний язык манускрипта витиеват и заумен... — тихо вздохнул Эдвин. — Даже мне не всё в нём понятно. Ритуал этот именуется “Великим переходом в вечную жизнь”, и знаете, уже от названия мне становится жутко.

В кают-компании повисла гнетущая тишина. Если уж наш бесстрашный некромант чем-то напуган, то какого кошмара еще можно ожидать?

— Очередной лич? — устало фыркнул Тьен. — Не слишком ли много желающих жить вечно в последнее время?

— Не совсем. — Эдвин скорбно потер нос кончиком пальца и снова вздохнул. — Эффект на выходе куда более... масштабен.

— Что, еще круче, чем ди Моро? — попытался пошутить Оберлинг. — Поди дохлых мышей ему будет недостаточно! Радость-то какая! Вот только таких паразитов нам и не хватало.

— Вроде того, — кивнул Эдвин. -- Я разобрался в ритуале, что описан в манускрипте. Не так уж это и сложно оказалось. Да, для него нужны особые кольца, те самые. Но не в кольцах суть. Еще необходимы шесть магов, каждый — воплощение одной из основных стихий: вода, воздух, огонь, земля... и двух высших — жизни и смерти. То есть целитель и некромант.

Лиам медленно поставил свою кружку на стол. Его лицо стало маской внимания, но я почувствовала, как его рука под

столом произвольно сжалась.

— Дай угадаю: все они... станут жертвами? — спросил тихо док.

— Все, — снова кивнул ему Эдвин, и его лицо исказилось гримасой отвращения. — Но и это ещё не самое ужасное. Главная жертва, сердцевина ритуала... — Он замолчал, отчего-то глядя на меня, и мне стало холодно. — Магически одаренный младенец. Предпочтительно — сильный маг смерти. Кстати, я понял, зачем было осквернено кладбище при Чёрном Замке. В каждом из шести колец должна быть заключена частица... праха новорождённого некроманта.

По спине у меня пробежали мурашки. Я представила крошечные полуразрушенные могилки, ту самую «обиду и слепую злобу», что витала в воздухе. Теперь всё обретало чудовищный смысл.

— Крысья пасть... — выдохнула я. — Вот для чего они раскапывали...

— Именно, — мрачно подтвердил Эдвин. — Кольца — это ключи. Но не к кладбищам. А к самим жертвам. Они подчиняют носителя воле того, кто проводит ритуал, делают его идеальным проводником для забора магической силы в нужный момент. А момент этот, согласно уцелевшим фрагментам, должен наступить «в месте смерти среди древних камней, на древнем алтаре вечной жизни».

— То есть мы ищем не просто сумасшедшего, а сумасшедшего с архитектурными пристрастиями, — язвительно заме-

тил Огюст, но шутка не удалась.

— Страницы с точным местоположением этого «алтаря» и детальным рецептом изготовления колец — вырваны, — продолжал Эдвин. — Но это уже неважно. Авторство колец известно. И пометки в книге сделаны знакомой рукой. Мой дед, очевидно, планировал провести ритуал, но его что-то остановило. Хотелось бы верить, что здравый смысл, но вероятнее всего — негласная охрана, приставленная к нему его величеством Эстебаном III. Дед не смог добыть главный ингредиент... — Морроуз снова посмотрел на меня. — Прах младенца-некроманта. Теперь мы знаем, что эту проблему кто-то решил. Ценой осквернения сотен могил.

— Остаётся надеяться, — тихо, но с железной уверенностью в голосе произнёс Тьен, — что после нашего визита в Чёрный Замок, никто больше не сможет так просто туда войти. Маркус ди Гриньон наверняка удвоил охрану. Один источник этой... составляющей... перекрыт.

— Но кольца-то уже существуют, — мрачно констатировал Яхор. — Значит, у этого маньяка есть всё необходимое, кроме места и, возможно, самих жертв.

— А вот и нет, — вдруг обрадовался Тьен. — Два из этих колец хранятся в королевском сейфе!

— Ты в этом уверен? — задрал бровь Огюст, с явным удовольствием наблюдая за вытянувшимся лицом Оберлинга. — Любой сейф можно вскрыть. Ни тебя, ни Максимилиана во дворце сейчас нет. Мы даже не можем проверить, на ме-

сте ли эти кольца.

Мать моя неизвестная женщина... Зловещие кольца с черепами, за которыми мы так весело и азартно охотились, внезапно изрядно потяжелели. Это были не просто артефакты. Это были детали механизма для убийства шестерых магов и младенца. И этот механизм кто-то уже почти собрал.

— Вы хотите сказать, что кто-то методично, по списку, собирается убивать магов? — прервав наше молчание, Лиам нахмурился — Как на охоте? Загоняя дичь?

— Вряд ли так, — Морроуз поморщился, и его длинное бледное лицо стало ещё мрачнее. — Такие ритуалы проводятся одномоментно. И судя по размаху подготовки — кладбища, кольца, покушения на короля, вовлечённость таких фигур, как лорд ди Моро — подготовка идет полным ходом. А конечная цель... — Он нервно сглотнул. — Боюсь, мы её даже представить себе не можем.

В кают-компании воцарилась тягостная, гулкая тишина, которую не мог нарушить даже ровный гул двигателя. Даже Огюст перестал улыбаться, его лицо стало сосредоточенным и холодным.

— Весело, — наконец произнёс Яхор. — Очень весело. Значит, мы не просто ищем артефакты и раскрываем старые заговоры. Мы пытаемся найти того, кто собирается запустить некий механизм, пахнувший концом света. И при этом злодей всегда на шаг впереди нас. Мы даже на дирижабле его догнать не можем. Славное приключение, да, Тьен? Все, как

ты любишь.

Оберлинг только зло ухмыльнулся в ответ.

Ближе к вечеру «Минем шабаки» пришвартовался к знакомой высокой трубе. Мы миновали Брюст, проплыв над его дымящимися фабричными трубами и пёстрым лоскутным одеялом крыш, и взяли курс на южную окраину. Вскоре под нами открылась знакомая, почти умиротворяющая картина: бескрайние хвойные леса, а среди них, на берегу небольшой, но бурной и говорливой речушки,— одинокий каменный дом.

Яхор вновь продемонстрировал своё мастерство, умело проведя дирижабль сквозь стену вековых сосен и раскидистых елей прямо к заброшенному домику мельника.

— Ну вот, — объявил наш капитан, скидывая вниз веревочную лестницу.. — Приехали. Между прочим, прекрасный дом. Каменный, добротный. И совершенно пустой. Как вам на роль временного пристанища?

Мы ступили на землю, пропитанную ароматами влажной травы, хвои и свежести речной воды. Воздух был так чист и прозрачен, что казалось, будто им невозможно насытиться. Особенно после зловония болот и затхлой, тяжёлой атмосферы Чёрного Замка.

Тьен одобрительно хмыкнул.

— Место хорошее. Уединённое, с источником чистой воды, подъездные пути сюда есть.. — Он бросил нечитаемый

взгляд на Лиаму. — Доктор, а представьте себе дом, который воплотит вашу мечту — лечебницу для нуждающихся. Не в душных трущобах Льена, а в месте, где даже воздух способствует быстрому выздоровлению. Уверен, и вам бы там дышалось куда легче.

Лиам, стоявший рядом, задумчиво разглядывал массивное здание из дикого камня. Слепые окна были заколочены досками, а массивная дубовая дверь, покрытая патиной времени, выглядела как древний страж. И я совершенно определенно увидела, как в его светлых глазах мелькнула тень мечты, о которой он, возможно, не осмеливался говорить вслух.

— Мечтать не вредно, лорд Оберлинг, — тихо ответил он. — Но, признаться, картина выглядит... привлекательно. Вот только домик маловат для таких масштабных планов.

Я же смотрела на этот заброшенный дом, на тихую заводь, заросшую кувшинками, на полуразрушенную мельницу и золотящиеся в лучах заходящего солнца верхушки сосен совсем иными глазами. В моём воображении возникла сказочная картина. Все могло бы быть по-другому! В этом доме нет места ни воровке, ни беглянке. Зато тут могла бы жить любимая женщина. Она готовит ужин на массивной кирпичной печи, а затем сервирует стол. Встречает своего супруга с работы, заботится о детях, а вечерами, укутавшись в плед, сидит на крыльце рядом со своим мужчиной и смотрит на звезды, которые зажигаются на небе, слушая, как в камышах квакают лягушки. Или кто там в лесу еще квакает...

Это была чужая мечта. Совершенно не та жизнь, которую я много лет представляла перед сном. Но почему-то именно сейчас, именно в этом месте, она казалась самой прекрасной, самой желанной и самой недостижимой из всех, что когда-либо приходили мне в голову.

Я незаметно протянула руку и коснулась пальцев Лиама. Он вздрогнул от неожиданности, но затем его сильные тёплые пальцы сомкнулись вокруг моих в крепком рукопожатии. Мы стояли так, молча, плечом к плечу, глядя на наш возможный, но такой призрачный дом, пока прохладный вечерний ветер шелестел высохшими стеблями прошлогодней травы и где-то в гуще леса тревожно и насмешливо кричала сорока.

Буря ненадолго отступила, подарив нам передышку. И в этой зыбкой тишине, в этом мимолётном, украденном у судьбы покое, было столько щемящей надежды, что её, казалось, хватило бы, чтобы заткнуть за пояс любой ужас грядущего.

— Ладно, хватит глазеть на развалины, — нарушил момент Тьен, в голосе которого снова зазвучали привычные командирские нотки. — Огюст, Яхор, проверьте периметр. Морроуз, Фрэй — осмотрите дом изнутри, нет ли сюрпризов. А нам с доктором и нашей леди-счастливицей, — он кивнул на меня, — предстоит нанести визит в город. Обратного найдем экипаж. Пешком тащить наш скарб — только время терять.

Он вздохнул, снял с плеча свою дорожную сумку, в которой, я знала, лежали не только его вещи, но и тяжёлый фолиант из библиотеки ди Моро.

— Итак, план таков...

Глава 13. Фиаско

Тъен вернулся з

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.